

Черное золото королей

Автор:

Мария Жукова-Гладкова

Черное золото королей

Мария Жукова-Гладкова

От появления бывшего мужа Ольга не ждала ничего хорошего, ведь он бросил ее с двумя детьми и забыл об их существовании на годы. А тут еще свекровь обращается к ней со странным предложением – занять должность коммерческого директора нефтяной компании, которой они владеют совместно с сыном. Что им на самом деле нужно от Ольги? Голова у женщины совсем пошла кругом, когда с ней «случайно» познакомился наследник другого нефтяного королевства – основной конкурент бывших родственников. Ольга понимает, что если срочно не разберется в происходящем, ее вполне могут ждать девять грамм свинца в сердце.

Мария Жукова-Гладкова

Черное золото королей

Автор предупреждает, что все герои этого произведения являются вымышленными, а сходство с реальными лицами и событиями может оказаться лишь случайным.

Глава 1

Вчера появлялся бывший муж. Он нечасто баловал нас своими посещениями, пожалуй, последний раз я видела его года два, если не три назад (в смысле живьем, в прессе же и по ящику его светлый лик мелькает довольно часто), а вчера он вдруг взял и приехал, да еще оставил денег, «чтобы что-то купила детям».

Первые два курса мы вместе учились в университете. Там и познакомились. Я вуз закончила с красным дипломом, Лешка же был отчислен со второго курса за хроническую неуспеваемость, после чего косил под психа, чтобы не загреметь в армию, а затем внезапно оказался у нефтяного корыта. Правда, к тому времени мы уже не были мужем и женой.

Он до сих пор так же красив, и несколько «гусиных лапок», появившихся вокруг глаз, только добавили ему мужской привлекательности. Наверное, посещает тренажерные залы, бассейны, массажные кабинеты и все, что там еще принято посещать в тех кругах, к которым он теперь принадлежит. Вчера, как и всегда, он благоухал дорогим парфюмом и был одет в шмотки, на которые мне пришлось бы пахать как минимум пару лет.

В семнадцать лет, сразу же после поступления в Университет на матмех, я влюбилась в него до беспамятства – как, впрочем, и все остальные девчонки нашей группы. Он перепробовал не только наш курс, но и старшие, перелезая из одной постели в другую, даже не перелезая – перескакивая: он сразу же взял быстрый темп. В те времена, правда, очень приветствовалось выполнение пятилетки за три года. Лешка и соответствовал духу времени. Проникся призывами партии и правительства, только с уклоном не в ту сторону. Партия и правительство имели в виду несколько другие вещи, но Леша имел склонность все понимать по-своему. И однажды его возненавидели и все брошенные девчонки, и парни, от которых он отвлекал внимание особ женского пола.

Перед самым Лешкиным отчислением очередь дошла до меня.

Я никогда не отличалась особой красотой. Если быть абсолютно откровенной, меня даже нельзя было назвать симпатичной: бесцветное лицо, белесые волосы, брови и ресницы, серые бесцветные глаза. Этакая белая мышь. Правда, через несколько лет, узнав дорогу в косметические салоны, я поняла, как могу преобразить себя и сделать практически любое лицо, даже очень-очень красивое. Но было уже поздно: Лешка давно ушел к другой. Другим. Он не задержался ни с одной женщиной. И никогда не снижал взятого в начале своего

кобелиного пути темпа.

Тринадцать лет назад, после того как Лешка уже меня бросил, я поняла, что беременна. Узнав о своем предстоящем отцовстве (я настояла на встрече), Лешка встал на дыбы и долго орал, обвиняя меня во всех смертных грехах. Хотя в чем я была виновата? В том, что еще не умела предохраняться и надеялась на него, своего первого мужчину, который, кстати, убеждал меня, что «ничего не будет»?

Наоравшись вдосталь, Лешка заявил, чтобы делала аборт, и даже оставил деньги. Правда, через три дня принесся и с беспокойством уточнил, не успела ли я совершить грех. Я смотрела на него раскрыв рот и не понимала, что он от меня хочет. Я еще не разобралась со своими чувствами к Лешке: одновременно была на него страшно обижена и продолжала любить. В душе начала подниматься радость: он все-таки вернулся, он одумался, три дня назад я не подготовила его к «радостному» известию как следует. Он же еще молодой парень, он хочет погулять, да и вообще я сама виновата. Надо было дождаться свадьбы. Стоп! О какой свадьбе речь? Ведь он тогда уже променял меня на другую...

Лешка быстро опустил меня с небес на грешную землю.

Отчисление из университета уже имело место быть, и никакие мамины связи (а его мать была видным в городе парработником) не могли удержать сыночка по месту учебы. Дело было не только в плохой успеваемости (это слово к Лешке вообще было неприменимо, потому что он не мог «успеть» ни по одному предмету). Я вообще не понимала, почему его понесло на матмех – да и как ему удалось закончить десять классов средней школы, еще и с углубленным изучением французского языка, из которого он, кроме «шерше ля фам», не знал ничего. «Аморальное поведение» стояло первым в списке причин отчисления. А в те годы к моральному облику будущего строителя коммунизма относились серьезно.

Лешка понял, что рождение ребенка даст ему отсрочку от армии. Вернее, это понял не Лешка, а его драгоценная мамочка. И я вполне устраивала ее как потенциальная невестка: тихая, непривлекательная мышка, нескандальная, собирающаяся заниматься научной работой, да еще и с ленинградской пропиской. Идеальная жена для ее любимого и единственного Лешеньки.

Надо отдать должное Надежде Георгиевне, она всегда была со мной честна. Вынуждена признать: Надежда при любых обстоятельствах говорит то, что думает, невзирая на лица и должности, никого и ничего не боится, знает себе цену и чего именно хочет на данный момент. Она мне и разложила все по полочкам, по ходу дела заметив, какие блага я поимею от брака с ее сыном. Да это был и не брак, а деловое соглашение – каждая сторона должна что-то дать другой, в результате что-то получит взамен.

Мне обещали, что мой ребенок никогда ни в чем не будет нуждаться, а я... не пополню ряды старых дев. Мне найдут спокойную, но хорошо оплачиваемую работу, я смогу одеваться у хороших портных (Надеждиных), меня отведут к лучшим косметологам (Надеждиным), нас с ребенком будут лечить в лучших поликлиниках, кормить дефицитом (в те годы это было важно) и даже привозить подарки из вожделенной (тогда) заграницы, куда Надежда Георгиевна выезжала для советского человека даже слишком часто. Мое дело – заниматься ребенком, наукой (если пожелаю) и не мешать Леше жить так, как он хочет.

– Оля, – внимательно оглядела меня свекровь с головы до пят, – ты в зеркало на себя когда в последний раз смотрела?

Я промолчала.

– Для женщины, Оля, очень важно, чтобы она была замужем, – невозмутимо продолжала Надежда Георгиевна. – Пусть муж шляется направо-налево, денег не зарабатывает, все у него валится из рук и носит он фамилию Сутрапьянов. Неважно. Важно, что ты – замужем. Статус у тебя такой. Тогда окружающие к тебе по-другому относятся. А у тебя вся жизнь впереди. Поверь мне. Я в этой стране не первый год живу. Скоро познакомишься, с кем.

Свекор оказался как раз таким, как описала Надежда Георгиевна. Из нужного места у него росло только мужское достоинство, все остальное – из задницы (ему, по-моему, больше всего подошла бы двойная фамилия Сутрапьянов-Криворуков, можно бы и третью сюда добавить – Кобелев). Но как партийная работница с многолетним стажем, сделавшая великолепную карьеру для советской женщины, Надежда Георгиевна не могла себе позволить с ним развестись. Правда, в постперестроечные годы быстро исправила ситуацию и, как мне было известно, оторвалась на полную катушку.

Свекровь любила передо мной прихвастнуть. А впрочем, перед кем она еще могла похвастать своими похождениями? Если мужик шляется направо-налево – это нормально, способствует укреплению его имиджа, а если женщина, даже в наше время... Общественное мнение на этот счет не смогли поколебать никакие перестройки и прочие изменения в государстве. Но Надежде Георгиевне хотелось рассказать о своих сексуальных подвигах и достижениях. Была у нее такая слабость. Одна из немногих.

В общем, мы с Лешкой поженились, хотя мои родители были категорически против этого брака и в особенности Надежды Георгиевны, которую возненавидели при первой встрече. Правда, мой отец быстро сдружился с Лешкиным. Сейчас они вообще не разлей вода и совместно проживают на нашей даче с моими детьми, их собственными внуками. Я же после начала их крепкой дружбы была вынуждена освоить навыки сотрудника вытрезвителя.

Через положенный срок я родила сына, еще через полгода Лешка благодаря маминым связям отправился в психушку, а я – в квартиру родителей, двухкомнатную смежную «хрущобу», где и живу до сих пор. С Лешкой мы развелись через год: к тому времени я его уже видеть не могла, чувств к нему никаких не испытывала (вернее, чувства были: хотелось дать по голове чем-нибудь тяжелым). Я сама ему надоела намного раньше (как уже упоминала), состоять в браке нам больше не требовалось, времена менялись, поэтому все заинтересованные стороны были только «за», включая Надежду Георгиевну, обещавшую помогать мне деньгами, – Витя все-таки был ее единственным внуком, и в том, что это сын ее драгоценного Лешеньки, она не сомневалась.

Мои родители отметили мое расставание с Лешкой гораздо пышнее, чем свадьбу, и веселились на этот раз очень искренне, как и все мои подруги, знавшие, какое сокровище мне досталось. Сокровище, кстати, успело переспать с ними всеми и их всех отправить по известному русскому адресу (Лешка обычно расставался с женщинами со скандалом, и ни одна, насколько мне известно, не вспоминала его добрым словом), поэтому подружки меня только поздравляли: наконец-то отделалась.

Через несколько месяцев умерла мама. К моему большому удивлению, Лешка помог мне с организацией похорон и вообще поддержал морально (возможно, его послала Надежда Георгиевна, которая на похоронах не появлялась, – видимо, помнила, как ее «любила» покойная). Каким-то странным образом (сама не понимаю как) я вновь оказалась в его постели и через девять месяцев родила

девочку, которой дала имя мамы – Катя.

Лешка опять назвал меня идиоткой, потом махнул рукой и сказал:

– Делай что хочешь.

С тех пор мы виделись крайне редко. Надежда Георгиевна появлялась довольно часто, вывозила внуков в музеи и театры, она же привозила нам деньги: я на алименты официально не подавала. Да и какие в наше время алименты? Ведь доход у большинства мужиков левый и ни в каких ведомостях не зафиксированный. Свекровь также интересовало здоровье бывшего мужа, который у нас в доме был частым гостем и даже иногда задерживался на недельку. Мне Надежда Георгиевна как-то призналась, что привязана к Петровичу (она его всегда так называла), как к старой собаке. Вроде сдала в приют для бездомных животных, а все равно навещает. Она его в приют, правда, не сдавала, купила ему однокомнатную хибарку (недалеко от нашей квартиры), а в наше общее пользование выделила свою дачу, построенную в советские времена на выделенных партийному работнику шести сотках. У Лешки с Надеждой Георгиевной теперь имеется какой-то немыслимый особняк то ли в Репине, то ли в Комарове, куда ни моих детей, ни меня, ни отца, ни свекра ни разу не приглашали.

Не приглашали нас и в их общие апартаменты в центре города. Признаться, я не понимала, почему взрослый мужик, мой бывший муж, так до сих пор и живет с мамой. Ну ладно когда возможности нет разъехаться или купить еще одну квартиру. Тут же вместо обоев можно было обклеивать стены стодолларовыми купюрами.

Но Леша жил с Надеждой Георгиевной, больше ни разу не женился и на пару с мамой же создал нефтяную компанию «Алойл». Перевод слова «ойл» с английского на русский я знаю, а вот вместо чего стояло «ал», так и не смогла решить: сокращение от «Алексей»? У бывших родственников не спрашивала. Меня это мало волновало. Предполагаю, свекровь использовала свои многочисленные бывшие партийные связи для организации успешного бизнеса и фактически его и вела, хотя официально генеральным директором нефтяной корпорации являлся Лешка. В какой должности числится Надежда Георгиевна – не представляю. Как-то никогда не интересовалась.

И вот вчера вечером, когда я сидела за компьютером (подаренным Надеждой Георгиевной – видимо, списанным в «Алойле» в связи с моральным износом) и кропала очередную книжку, позвонил Лешка. Поскольку я его даже не слышала года два, в первый момент голос не узнала.

Он изъявил желание приехать.

– Зачем? – спросила я. – Дети за городом.

– Разговор есть, – заявил бывший. – Ты никого не ждешь?

– Нет, – ответила я.

Лешка нарисовался через полчаса, вручил мне букет роз (никогда он меня так не баловал), шлепнул на кухонный стол бутылку коньяка и коробку конфет-ассорти, потом без приглашения отправился осматривать квартиру. Предполагал, что что-то изменилось?

Летом, как я уже говорила, мои двенадцатилетний сын и десятилетняя дочь живут на даче с двумя дедушками. Я езжу к ним на выходные, а на неделе работаю. Компьютер, конечно, можно было бы перевезти на дачу или попросить у Надежды Георгиевны презентовать какой-нибудь старый ноутбук, но сложно оставаться в помещении, зная, что все родные отправились на залив. В городе таких искушений нет. В зимнее время я работаю по ночам, когда мои уже все спят и мне не мешают, а сама отсыпаюсь днем, пока дети учатся.

Я начинала учительницей математики в школе (с наукой не получилось, так как родилась еще и Катька), потом (опять же благодаря связям Надежды Георгиевны) пристроилась в одно небольшое издательство, где лепила всевозможные руководства для барышень, в основном сборники советов на тему: как жить дальше, если хочешь выйти замуж. Затем издательство расширилось, и мне предложили попробовать себя в качестве эротической писательницы. Я вначале отнекивалась, а потом вошла во вкус и теперь с успехом кропаю книжонки в серию «Секс-индустрия», правда, под псевдонимом, потому что не хочется, чтобы кто-то из знакомых знал, что именно я расписывала страдания юной лесбиянки, «птичий грех», общий помыв в бане и прочие прелести жанра. Я занимаюсь этим только из-за денег. Мне ведь нужно содержать семью. Из родственников о моих истинных занятиях знают только свекор со свекровью:

свекор, так как частенько меня консультирует (из своего прошлого опыта бурной кобелиной жизни) и читает все мои опусы, а Надежда Георгиевна – как вечный советчик. Именно она подсказала мне, что следует подключиться к Интернету и черпать материал оттуда.

Пробежавшись по квартире (бегать было особенно негде, если еще учесть, что Лешка с момента нашей последней встречи раздобыл размера этак на три, если не на четыре), бывший вернулся на кухню, плюхнулся на табуретку, заметив, что они у меня слишком маленькие и хлипкие («Для такой раскормленной задницы – конечно», – подумала я, но вслух ничего не сказала), осмотрел стены, давно требующие покраски, меня, не удосужившуюся навести макияж к его приходу, и спросил:

– Тебе чего, бабок мало?

– В смысле? – переспросила я.

– Квартиру нормальную, что ли, не купить?

Мне хотелось вспомнить Лешкину маму в определенном контексте, но сдержалась: донесет, чего доброго, Надежде Георгиевне, как я тут про нее выражаюсь, а она и прибежит выяснять отношения. Лишний раз видеть Надежду Георгиевну желания у меня не было, в особенности вопящую – она по громкости вполне способна конкурировать с сиреной, объявляющей о воздушной тревоге.

– Ну ты чего, своими романами на квартиру, что ли, не заработала? – вылупился на меня Лешка. – Да ведь и мать тебе вроде бы бабки регулярно подкидывает. Я не понимаю, куда у тебя деньги уходят?! На что ты их тратишь?

Лешка всегда был патологически жаден и мог удавиться за копейку, имея чемодан «зелени». Если бы не Надежда Георгиевна, мы с детьми не имели бы никаких алиментов. На женщин он никогда не тратился, наоборот, выяснив, что предпочитает очередная пассия, прилагал усилия, чтобы не оказаться там, где это дают; брал внешностью и навыками в постели. И вообще, я теперь понимаю, что, кроме внешнего шарма (который перестаешь замечать после длительного общения с Лешенькой), он ничего предложить не мог, даже языком болтать не научился, как это умеют многие сердцееды.

– Откуда ты знаешь про романы? – для начала уточнила я.

– Да зачитывался тут твоими шедеврами, – ухмыльнулся Лешка. – И матери сказал: вот бы с этой бабой познакомиться. Ну мамаша и выдала страшную тайну. Взяла с меня слово, что никому больше не скажу. Что ты не хочешь. Ну неужели не хочешь популярности? Твоя фотка в газетах, интервью, тебя по телику показывают. Может, передачу под тебя бы забабахали, типа «Про это». Я бы тебя по телику смотрел, всем бы говорил: вон моя баба про секс треплется. Круто!

«Конечно, – хмыкнула я про себя. – Главное, перед друзьями прихвастнуть».

– Такой популярности не хочу, – резко ответила я вслух, и это соответствовало действительности. Я вообще не хотела никакой – в первую очередь из-за детей, чтобы не осложнять им жизнь, а уж быть известной как автор эротических романов, да еще того бреда, который я пишу... И перед знакомыми уже поздно раскрываться. Надо было говорить сразу, я не захотела, значит, теперь придется молчать как партизан.

– Дура, – сказал Лешка. – Какая была дура, такая и осталась.

– Спасибо на добром слове, – огрызнулась я.

– Давай не будем ругаться. Лучше выпьем, – примирительно предложил Лешка и разлил коньяк.

Я не помнила, чтобы он так пил. Бутылка сорокадвухградусного «Кардинала» (0,7 л) опустела почти мгновенно и почти без закуски – за то время, пока я только два раза пригубила.

Лешка тут же достал из кармана сотовый и велел кому-то, чтобы привез еще и занес в квартиру.

Минут через пятнадцать в дверь позвонили, мы пошли открывать вместе. На пороге стоял накачанный детина. Он вежливо со мной поздоровался и вручил Лешке пакет из супермаркета, который я всегда обхожу стороной, чтобы не расстраиваться из-за кусающихся цен.

– Шеф, я сижу в машине, – молвил детина и удалился.

Мы опять отправились на кухню.

– Пожрать чего-нибудь сваргань, – сказал Лешка, принимаясь за вторую бутылку. На этот раз – «Арарата».

Я могла предложить только пельмени «Равиоли», яичницу, вареную колбасу и суп из пакетиков. Лешка грязно выругался и опять рявкнул:

– Куда ты деваешь деньги? На Карибы ездешь с детьми отдыхать? Машины каждый месяц меняешь? Или все в чулок складываешь? Так смотри, теперь с этим кризисом все баксы ухнуться могут, как рубли в свое время ухнулись – и в чулке, и в банке. У нас не Швейцария, чтобы деньги в банк класть. Смотри, не перемудри.

Я пояснила, что откладывать мне нечего – все уходит на семью, и назвала сумму, которую получаю за роман. Лешкина челюсть поползла вниз.

– Не может быть, – ляпнул он через некоторое время, даже забыв о коньяке.

– А ты, Леша, попробуй что-нибудь написать и отнеси в издательство. Посмотрим, сколько тебе предложат.

Лешка почесал репу. Потом еще раз обвел глазами мою кухню. Встал, самолично заглянул в холодильник. Я сидела молча. Не хотелось напоминать, что у меня (не у нас, а именно у меня) двое детей-подростков, причем разного пола, которых обувать-одевать надо, не говоря о том, что их нужно еще и кормить. Два деда (один из них Лешкин отец) тоже фактически на мне, их пенсии я не беру в расчет: пенсии ими рассматриваются как взносы в фонд зеленого змия, и я ничего не могу с этим поделать. Так что мои гонорары (мой единственный источник дохода) и Надеждины подачки идут на прокорм и одевание-обувание пяти человек. Хотя Лешка, между прочим, мог хотя бы помогать своему родному отцу. Про детей вообще молчу.

Переварив полученную информацию, бывший засосал полбутылки сразу («Генетика – страшная сила», – подумала я, вспоминая свекра на этой же кухне и

на том же самом месте. Правда, Лешкин отец употребляет гораздо более дешевые напитки), опять извлек из кармана сотовый и велел своему детине теперь обеспечить нас продуктами питания, что и было исполнено. Я решила, что неделю могу не ходить в магазин.

Но больше всего меня интересовало, зачем бывший все-таки приперся.

А он жаловался на свою судьбу несчастного миллионера, которого никто не понимает и не любит. О существовании нежной, тонко чувствующей и ранимой души, признаться, узнала впервые. Никогда бы не догадалась, что она скрывается в этом холемом, раздобревшем на нефтяных хлебах теле. Я прослушала речь о том, как Леша много работает, какие вокруг все сволочи, как все хотят его надуть, обвести вокруг пальца, объехать на кривой кобыле, в общем, лишить бедного мальчика честно заработанного.

Насчет честности в современном бизнесе, в особенности нефтяном, я бы говорить поостереглась. Насчет опасности согласна. Каждый, кто пытается прорваться к нефтяному корыту, потенциальный смертник. Там, где закручены очень большие деньги, идет постоянный передел сфер влияния, борьба за власть и отстрел конкурентов. Правда, я считала, что Надежда Георгиевна с ее способностью просчитывать все варианты, умением договариваться со всеми и обо всем, привычкой держать данное слово и жизненным опытом должна была обеспечить сыну возможность спокойно работать. Хотя насчет того, кто из них двоих работал больше, я имела свое личное мнение, однако вслух его выразить не спешила.

После второй (ну и вместимость организма!) бутылки коньяка Лешка поднял на меня несколько затуманенные глаза и спросил:

– Ольга, признайся честно: Витька с Катькой мои дети?

– Ты что, совсем спятил? Ужрался до зеленых чертей? – уставилась я на бывшего. – Белая горячка началась? Леша, что с тобой?

– Они мои дети, черт тебя дери?! – рявкнул Лешка так, что стены «хрущобы» дрогнули и я забеспокоилась, не провалимся ли мы сейчас к соседям. Правда, на этот раз дом все-таки устоял.

– Конечно, твои, – ответила я спокойно, хотя испытывала желание огреть Лешку по башке чем-то тяжелым. Но делать этого не стоило – судя по его папаше. Свекор после удара скалкой (в исполнении свекрови) валился на пол и там невозмутимо начинал храпеть. Стоило мне представить Лешку храпящим у меня на кухне... Нет, нужно от него побыстрее избавиться. И вообще, спорить с пьяными – гиблое дело. Я это по опыту знаю. К сожалению, очень большому.

– Точно? – не отставал Леха.

Я решила выяснить, почему бывший вдруг в этом засомневался. Но он мне не ответил, вместо этого сказал, что хотел бы сходить с детьми на экспертизу.

– На какую? – вначале не поняла я.

Лешка заплетающимся языком пояснил, что теперь, сдав кровь, можно точно определить, является он отцом ребенка или не является. Я вспомнила, что где-то уже слышала про такое, правда, у меня не было нужды подробно выяснять этот вопрос.

– Если хочешь, пошли сдавать, – пожала плечами я. – А тебе срочно это надо? Мне бы не хотелось дергать детей с дачи. Сейчас прекрасная погода, и неизвестно, сколько она еще простоит.

– Пытаешься найти отговорку? – прошипел бывший.

– Да я их хоть завтра с дачи привезу! – заорала я, не в силах больше сдерживаться. – Только что это вдруг тебе приспичило ни с того ни с сего? Двенадцать лет вообще не обращал на нас внимания, а теперь полез с обвинениями. Не надо, дорогой, судить о людях по себе.

Лешка хлопнул еще коньяка (сколько ж в него влезает?), заявил, что сына могу не брать, он не сомневается, что Витька его ребенок, а Катьку просил завтра доставить в город. Нам не придется сидеть ни в какой очереди, он обо всем договорится.

– Хорошо, – пожала плечами я. – Только что мне ей сказать?

– Говори что хочешь, – ответил Лешка и с трудом поднялся.

Он постоял, держась обеими руками за стол (голова закружилась?), потом распахнул одну створку окна, высунулся вниз и рявкнул на всю округу:

– Димон! Забери меня!

Окружающие дома от звука этого голоса вздрогнули, из окон стали высовываться люди, проверяя, не бомбежка ли началась. А бывший опять плюхнулся на табуретку, обеими руками схватил третью бутылку коньяка и вылил в рот последние капли, причем долго держал горлышко над своей раскрытой пастью, обильно украшенной металлокерамикой. Невольно вспомнился анекдот про «Барсик, ну еще чуть-чуть!».

Я тоже выглянула в окно и увидела, как из черного «жирного» «Мерседеса» вылез все тот же детина, который у нас появлялся уже дважды, и направился ко мне в подъезд.

В квартире детина очень ловко подхватил Лешку (чувствовался опыт ношения данного конкретного тела), со мной попрощался и потащил шефа вниз (с моего третьего этажа тащить было не очень далеко), загрузил в машину на заднее сиденье, как куль с мукой, чтобы не сказать хуже, сам сел за руль – и «Мерседес» отъехал.

Глава 2

Утром я отправилась на дачу на старом «Запорожце», на котором в свое время ездил свекор, забрала Катьку и привезла ее по названному бывшим адресу.

Катька всю дорогу не давала мне покоя, спрашивая, что понадобилось папе. Какое-то время тому назад, придя в сознательный возраст, дети просто замучили меня вопросами о папе и о том, почему он с нами не живет. Приставали они не только ко мне, но и к дедушкам и бабушке. Надежда Георгиевна в своем обычном стиле заявила:

- Он - редкостная сволочь, хоть и мой сын.

Надежда Георгиевна также добавила, чтобы внуки даже не надеялись на возврат папы в семью. Этого не будет никогда, потому что... не будет никогда. А внукам надо довольствоваться тем, что есть. В жизни никогда нельзя получить все.

После разговора с бабушкой вопросы прекратились. Не знаю уж, что они там обсуждали между собой и к каким выводам пришли, но папу не жаловали. Более того, время от времени спрашивали меня, не собираюсь ли я снова выйти замуж. При упоминании в прессе папиного имени (оба дедушки читают «Деловой Петербург» и «Вне закона», где Лешке иногда моют кости), а также после демонстрации папы по телевизору в разделах светской или криминальной хроники (где еще появляться нефтяному королю?) детки и деды вступают в дискуссию, почему его до сих пор не пристрелили или не посадили. Я пытаюсь эти разговоры пресечь, но не удается: все родственники высказывают свои версии, а дедушки обычно приходят к одному и тому же решению: всех бизнесменов и бизнесменш надо сажать, в особенности из бывших партийных работников. Но тем пока удается откупаться.

Катьке я сказала, что папа желает узнать ее группу крови.

- Зачем? - спросила дочь.

- Вот у него и поинтересуйся, - ответила я.

- Почему ты согласилась? - не отставала Катька.

- Это не так сложно, и он тогда быстро отвяжется. А пока не получит того, что хочет, не отлипнет, как репей.

Этот ответ Катьку удовлетворил, и она временно замолкла.

Вместо приветствия папа встретил нас воплем:

- Почему вы опаздываете?! У меня день по минутам расписан! Могли бы пошевелить задницами и приехать, когда я сказал!

– Мама, – дернула меня Катька за пиджак, – поедем отсюда. Дедушка Витя говорит, что на хамов не надо обращать внимания и просто вести себя так, словно их нет.

Дедушка Витя – это мой отец.

Далее последовала ссылка на дедушку Вову (Лешкиного отца), который, как выяснилось, считает, что хамам следует сразу же давать в морду, чтобы не раскрывали пасть. Бабушка Надя в случае столкновения с хамами советовала внукам обращаться к ней лично.

– Чего? Чего? – Лешкина челюсть поползла вниз.

Я не помню, когда он последний раз видел Катьку. Года два точно не видел, а она за это время сильно вымахала и, кстати, стала здорово похожа на Лешку, что я и отметила в эти минуты. Слава богу, девчонке не передалась моя внешность белой мыши.

– Мама, поехали отсюда, – тянула меня Катька. – Сводишь меня в «Баскин Роббинс», и вернемся назад на дачу. А то Витька уже раз пять купался, а ты меня вытащила в город. Непонятно зачем, – добавила Катька взрослым тоном (Надеждиным) и внимательно посмотрела на Лешку.

Во время Катькиного выступления мы стояли на тротуаре рядом с нашими машинами – «Мерседесом» («шестисотым») и «Запорожцем», притулившимся сзади. И как я только не впилилась в «мерс»? Правда, в анекдотах в него почему-то обычно дедок впиливается... Напротив входа в лабораторию беседовали две женщины лет пятидесяти на вид. Одна была в белом халате, вторая – в обычной одежде. После прибытия меня и Катьки они увлеклись нашим семейным скандалом. Интересно, чего смогли наслушаться и насмотреться сотрудники лаборатории за годы работы? Ведь какие тут, наверное, драмы разыгрываются...

А Лешка, как я заметила, все-таки взял себя в руки, для чего ему потребовалось приложить кое-какие усилия, обратился прямо ко мне, сказав, что не может больше терять время, и предложил мне вести дочь вслед за ним.

На пару с верным телохранителем Димой они тронулись в направлении двери, я взяла Катьку за руку и попыталась увлечь ее следом.

– Не пойду! – топнула ногой дочь. – Вначале в «Баскин Роббинс»!

Я знала, насколько упрямой может быть Катька, правда, со мной она таких концертов себе не позволяет. Вернее... Мои дети всегда требуют подробных объяснений всех моих действий и всего того, что я хочу от них. Если мне удастся им объяснить, что и почему нужно сделать (а это иногда бывает ох какой нелегкой задачей!), они все выполняют беспрекословно и быстро. Но на объяснения может уйти не один день...

А тут, если еще приплюсовать отрицательный настрой против папы... Нежелание находиться в городе, когда брат купается в заливе вместе с дедушками... Полное непонимание необходимости сдавать кровь...

Признаться, я подумала, что сегодня нам не удастся затащить Катьку в лабораторию даже силой.

Но Лешка считал иначе: он ведь совершенно не знал свою дочь.

Бывший завопил, что еще усилило Катькин дух противоречия. Теперь отец с дочерью общались друг с другом на повышенных тонах, причем пытались подключить и меня. Фразы обоих начинались со слов «Скажи ей» или «Скажи этому». Я пыталась их как-то примирить, потому что вокруг нас уже начинала собираться толпа любопытных. Телохранитель слушал молча. Я же поняла, что Катька очень похожа на Лешку не только внешне.

Это осознала и часть зевак, включая двух теток, с самого начала нашей семейной сцены стоявших напротив входа. Тетка в белом халате, наверняка догадавшись, зачем мы всей семьей прибыли к лаборатории соответствующего назначения, обратилась прямо к Лешке, заметив, что он в самом деле зря теряет время: девочка его дочь. В этом нет сомнения даже у тех, кто их обоих никогда раньше не видел. Тетка обратилась за поддержкой к толпе и ее получила.

Лешка для разнообразия заткнулся, потом извлек из кармана калькулятор и спросил у Катьки, сколько ей лет. Этого не могла стерпеть уже я и высказала бывшему кое-что из того, что про него думаю.

– Не заводись, – спокойно ответил Лешка, что-то усиленно подсчитывая, потом, явно удовлетворенный подсчетами, повернулся к Диме и сказал: – Поехали отсюда. Я все понял.

Дима молча кивнул, щелкнул пультом сигнализации, «Мерседес» квакнул, и Дима распахнул перед шефом переднюю дверцу.

В эту секунду Катька от меня вырвалась, в мгновение ока домчалась до «Мерседеса» и плюхнулась на переднее место пассажира, во всеуслышание объявив, что хочет покататься на папиной машине с кондиционером, потому что у мамы его нет. Лешка протянул руку в салон, чтобы вытащить Катьку за шкирятник, но она уже перебралась на заднее сиденье, просочившись между двумя передними, и показывала Лешке язык, прижавшись лицом к тонированному стеклу.

Толпа зевак наблюдала за разворачивавшейся драмой. Или комедией.

Леша рванул заднюю дверцу на себя, но Катька уже вылезла с другой стороны и опять показывала отцу язык и «носик».

– Я знаешь что сейчас с тобой сделаю?! – взревел Лешка и бросился вокруг машины за Катькой.

Но не тут-то было. Дочь ворвалась в толпу зевак, которые явно были на ее стороне, помелькала там и понеслась в лабораторию, дверь в которую была не заперта. Лешка помчался за ней. Дима нажал на пульт сигнализации, закрывая «Мерседес», и тоже бросился в погоню. Конечно, надо защищать шефа от десятилетней дочери! Мало ли что сделает со священной коровой, то есть быком. Мне ничего не оставалось, как рвануть следом. Катьку следовало спасти, а то еще Лешка ее изувечит со злости.

Судя по слоновьему топоту, они были уже на втором этаже, взлетели по лестнице. Я понеслась туда же, в дальнейшем ориентируясь по крикам людей, которых сбивали с ног или в которых просто врезались. Впереди я иногда видела мелькавшую Димину спину, Лешку с Катькой мне было не догнать. Признаться, я быстро выдохлась и решила, что когда-нибудь они все набегаются и приступят к обсуждению спорных вопросов, не производя перемещений с места на место.

Я перешла на шаг, затем вышла на одну из лестниц (параллельную той, что располагалась напротив входа в здание), поняла, что нахожусь то ли на третьем, то ли четвертом этаже, и решила спускаться на первый.

Оказалось, что я все-таки на четвертом. Эта лестница была узкой и особой популярностью не пользовалась. По крайней мере, мне по пути попался только один медик (не знаю уж, врач, санитар или кто-то еще) в расстегнутом белом халате, из-под которого виднелись поношенные джинсы и черная футболка. Я обратила внимание на кровь на его правой руке, которую он как раз вытирал о черную футболку, поднимаясь навстречу мне по лестнице. На безымянном пальце мелькнул перстень-печатка. Признаться, не видела раньше, чтобы врачи на работу ходили с чем-то, кроме обручальных колец.

Мы встретились в пролете между третьим и вторым этажами. Он, как я успела заметить, вышел со второго.

– Девушка, посторонним вход воспрещен, – улыбнулся мне парень (ему было на вид лет двадцать пять). – Давайте-ка назад. Здесь только служебные помещения. Если туалет ищете, то на третий этаж, в конце коридора, направо.

– Мне нужен выход, – сказала я.

– Здесь закрыто. Спуститесь по другой лестнице. Но все равно идите через третий.

Не обращая на меня больше никакого внимания, парень сам проследовал на третий этаж и скрылся там. Он пошел от лестницы направо.

Я застыла на перепутье.

Потом подумала: а в самом деле, куда я попаду? Мне нужно к выходу, к которому, я надеялась, Катька или прибежит сама, или ее приведут. Дочь вполне может считать, что я осталась у нашей машины ждать ее возвращения. Я ведь им с сыном всегда говорю: если потеряемся в магазине, ждите меня у выхода. Они уже терялись – и мы успешно встречались на оговоренном месте.

В общем, я решила не исследовать медицинское учреждение, а отправилась на третий этаж, где было относительно свободно от посетителей, спросила указания у какой-то тетеньки в белом халате, она направила меня куда следует, и я вскоре оказалась на той лестнице, с которой начинала свое движение вверх. По ней как раз поднималась женщина в белом халате, разговаривавшая с подругой перед входом в здание.

– Ой, а я вас ищу! – воскликнула она при виде меня. – Ваша доченька уже на улице стоит. Вот и славненько, что вы сами идете. Девочка ваша так и сказала: мы с мамой всегда на выходе встречаемся.

Женщина немного помолчала и добавила:

– Молодец ваша девочка. Так и надо с этими папашами разговаривать. Алименты небось негодяй не хочет платить? Много тут таких. На «Мерседесах» приезжают, а на ребенка рубля лишнего жалко. Да хоть бы и не свой был? Что, убудет с такого, что ли? Или это его новая жена против? – Тетка посмотрела на меня вопросительно.

– Он живет с мамой, – сказала я ничего не выражающим тоном.

– Понятно, – многозначительно произнесла собеседница. – Знаем мы таких.

Далее последовало воспоминание о случаях, когда свекрови считали, что невестки родили не их внуков, а нагуляли младенцев неизвестно от кого.

Мне не очень хотелось ее слушать, и я, легонько подхватив тетку под локоток, повернула ее в направлении входной двери. Собеседница продолжала развлекать меня рассказами о негодяйках-свекровях и негодниках-мужьях, а также вспомнила случай, когда отцом ребенка оказался свекор, но мы все-таки довольно быстро достигли цели и выбрались на солнечный свет. Катька прыгала у нашего «Запорожца». Кто-то уже угостил ее вафлей, которую она успешно поедала.

– Ой, мама! – воскликнула Катька. – А эти все бегают!

И она кивнула на сиротливо стоявший «Мерседес». Из зевак осталось человек пять, которым явно было некуда спешить. Они с большим интересом выслушали историю нашей семьи в Катькиной интерпретации.

При моем появлении последовали реплики: «Да, эти бизнесмены все такие», «Бросают первые семьи и живут или с проститутками, или с моделями, что, в общем, одно и то же», «Деньги им девать некуда, а на ребенка жалко».

Тут Катька объявила, что хочет пить, и какая-то тетка извлекла из сумки наполовину опорожненную пластиковую пол-литровую бутылку воды и напоила мою дочь. Судя по выражению Катькиного лица, она считала, что не зря съездила в город. Будет что рассказать Витьке и дедушкам.

А я решила, что нам с ней следует смотаться, пока не объявились папа с дядей Димой и не начался еще один скандал или гонки с препятствиями.

Я подошла к «Запорожцу», открыла дверцу, откинула переднее место пассажира, чтобы Катька пролезла назад, но больше ничего сделать не успела.

Из здания, которое мы недавно покинули, раздался истошный женский крик. Шел он из какого-то помещения, находящегося левее, если смотреть на окна из моей машины. Поскольку в каждой комнате были открыты форточки или целые створки, крик прекрасно слышался на улице.

Зеваки, работница медицинского учреждения и я застыли на месте. Катька тут же выбралась наружу.

– А чего это тетя так кричит? – спросила дочь, дергая меня за руку.

У меня же в душе зародилось какое-то нехорошее предчувствие...

Зеваки с теткой в белом халате стали обсуждать, что могло произойти. Тетка опять села на своего любимого конька и рассказывала, что наслушалась уже всяких воплей: матери говорят, что никогда не изменяли своим мужьям, мужья приходят в ужас, узнав, что им изменили с лучшим другом, ну и так далее.

Затем из здания вылетел Дима с выпученными глазами, не обращая внимания ни на кого из нас, стал рвать дверь «Мерседеса» на себя, совсем забыв нажать на брелок, потом вспомнил, выматерился так, что я закрыла ребенку уши, щелкнул пультом, дверцу разблокировал, открыл, извлек на свет божий сотовый, почему-то оставленный в машине, и стал звонить в «Скорую», а затем каким-то своим знакомым, ни про кого из которых я, естественно, никогда не слышала.

Зеваки с теткой в белом халате замолкли и внимали с открытыми ртами. А из здания уже валил народ, быстро рассасываясь в разные стороны.

Димин взгляд упал на нас с Катькой.

– Сука! Убить тебя мало! – прошипел он, правда, я не поняла, к кому именно он обращался.

Первой приехала не «Скорая» и не друганы-товарищи, а милиция, которая быстро взяла дело в свои руки. Милиции вообще понаехало видимо-невидимо, потом стали активно подтягиваться вызванные товарищи и заполнили все прилегающие к лаборатории улицы своими навороченными машинами. Вообще-то я не совсем понимала, зачем вызывать «Скорую» в медицинское учреждение... Хотя потом поняла: приехала реанимационная бригада, которая через пару минут вынесла на носилках Лешку.

Я тут же рванула к нему на пару с Катькой, вцепившейся мне в руку.

– Гражданочка, гражданочка, вы куда?! – возопил молоденький сержант, пытаюсь меня сдержать.

– Это папа! – сообщила ему Катька истеричным тоном, с ужасом глядя на вздымающийся на Лешкиной груди предмет, прикрытый простыней.

Тут подул ветерок, и простыню откинуло в сторону. В такт биения сердца у Лехи в груди колыхался нож.

Радовало одно: Лешка был жив. По крайней мере, пока.

Глава 3

Затем последовала пренеприятнейшая процедура объяснения с органами, которые в первые мгновения были готовы заподозрить и меня, и даже десятилетнюю Катюку во втыкании ножа в бывшего.

Я не позволила допрашивать Катюку отдельно, хотя кто-то из бригады и желал это сделать. Не знаю уж, разрешено такое по закону или нет, но тут я проявила твердость.

Наше любопытство тоже удовлетворили, в особенности после свидетельских показаний кого-то из врачей, прибежавших на вопль медсестры, первой обнаружившей тело в одной из лабораторий.

Лешка смог сказать врачу: «Хаби – гад», после чего потерял сознание.

– Давно следовало ожидать, – кивнул один мужик из прибывшей бригады. – А то уж больно долго затишье длится. Мы уж беспокоиться начали, что нефтяной рынок у нас давно не делили.

Я непонимающе уставилась на говорившего, потом спросила, кто такой Хаби.

– Ваш же муж, кажется, нефтью торгует, не моя жена, – заметил следователь, который задал мне больше всего вопросов. – Неужели не знаете его главного врага и конкурента?

– Он с нами не живет уже двенадцать лет, – встряла Катюка.

Опер перевел взгляд на мою дочь, о чем-то задумался, потом глянул в свои бумажки и непонимающе заявил вслух:

– Так тебе же десять.

Ну Катюка и ему выдала историю нашей семьи, только с гораздо большим числом подробностей, чем зевакам на улице, и с большим числом комментариев. Я узнавала цитаты из дедушки Вити и дедушки Вовы и не знала, плакать мне,

смеяться или просто краснеть. Следователь же слушал с повышенным интересом, что-то записывал, к нам подключились еще двое сотрудников и тоже стали внимательно слушать, наверное, помня о том, что устами младенца глаголет истина. Катька была в ударе. Она вообще любит поболтать на публику (это у нее от бабушки-партработницы), а уж перед мужчинами готова выделяться по полной программе (это у нее от бабушки со стороны отца, тот, правда, выделялся перед женщинами).

Наконец она выдохлась и попросила пить. Ей тут же принесли. Я же устало спросила, будет ли Лешка жить.

- Все зависит от того, что повреждено. Если не умер сразу, шанс есть, и неплохой.

- А почему нож тут не вынули? - поинтересовалась я.

Мне пояснили, что нож в данном случае выполняет функцию тампона и сдерживает кровотечение. Поэтому людей с застрявшим в теле холодным оружием, как правило, пытаются довести до операционной, его не вынимая.

- А что произошло? - теперь уже я решила задать милиции все интересующие меня вопросы.

- Это мы хотели бы услышать от вас, - ответили мне, после чего нас на пару с Катькой заставили пройти весь наш путь с момента забегания в здание.

Я мгновенно заблудилась, Катька же показала, под какой лестницей ей удалось спрятаться и как она там сидела, пережидая, пока папа с дядей Димой пронесутся мимо, а потом тихонечко выбралась и тем же путем отправилась на улицу, потому что «мы с мамой всегда встречаемся у выхода».

- А вы все-таки где были?

Я показала, как взбежала по первой лестнице, идущей от главного входа, потом пробежала по второму этажу вправо, в конец, там поднялась на третий по другой лестнице, побегала по третьему, поднялась на четвертый, затем... Все переходы теперь казались мне похожими.

– А в лаборантской были? – спросил допрашивавший меня следователь, который вел записи.

– Нет, ни в какие комнаты я не заходила. Бегала только по коридорам и лестницам.

Другой сотрудник органов предложил нам проследовать за ним.

– Не надо бы Катю туда вести, – пролепетала я, уверенная, что нас поведут на место трагедии.

– Не волнуйтесь. Ребенку мы ничего не покажем. Пойдемте.

Вскоре мы оказались на лестнице, где, как мне сказал медик, внизу закрыт вход. Я поведала органам о встрече с тем парнем, показала место, где мы с ним столкнулись, а потом вдруг вспомнила про кровь у него на правой руке...

Увидев выражение моего лица, милиционеры поняли, что ко мне пришло осознание, и попросили очень подробно описать парня.

– Придется проехать к нам и сделать фоторобот, – наконец заявил один из них.

– Я хочу в «Баскин Роббинс», – встряла Катька.

– Чуть-чуть попозже, – ответили ей.

Я все-таки попросила показать мне место, где на Лешку было совершено покушение.

Лаборантская находилась на втором этаже, это была первая дверь направо от входа с лестницы.

– По всей вероятности, вашего мужа специально ждали, – сказали мне. – Кто еще, кроме вас, знал, что он сегодня будет в этом учреждении?

Я пожала плечами. Могла назвать Диму, фамилии которого не знала, своего отца и свекра, безвылазно сидящих на даче. Насчет Надежды Георгиевны никаких версий не имела, но мамочка, по моему мнению, не могла желать зла своему единственному сыночку. Она, кстати, никогда не сомневалась, что Витька с Катькой – ее родные внуки, и все время находила в них свои черты.

– Почему Алексей Владимирович вдруг решил установить свое отцовство? – уточнили у меня.

– Это надо у него спрашивать.

– Но вас его желание не удивило? – не отставали от меня.

– Удивило, – ответила я, – но мне было все равно, и я не сомневалась в результате анализа.

– Почему вы согласились?

– Чтобы отстал. Если он втемяшит себе что-то в голову, от него не отвяжешься, пока не сделаешь так, как он хочет.

– Не очень-то вы жалуете бывшего мужа, – заметил допрашивавший нас с Катькой мужчина. – А ведь нефтяной король как-никак. Такие мужья на дороге не валяются.

– Я предпочла бы его в жизни никогда не видеть, – ответила я. И это было правдой.

Глава 4

Домой мы с Катькой приехали только вечером, усталые и голодные, хотя милиционеры и угостили нас бутербродами. Мужики никак не могли успокоиться, увидев, на чем ездит жена нефтяного короля, а узнав, где мы живем с детьми и отцом, долго качали головами.

– Я – бывшая жена, – уже устала повторять я. – И Лешке всегда было плевать и на меня, и на детей. Если бы не Надежда Георгиевна, мы бы не видели вообще ничего из нефтяных денег.

– Но ведь если он умрет, ваши дети становятся наследниками огромного состояния, – напомнил настырный следователь.

Мне он порядком надоел, поэтому я решила окрыситься и поинтересовалась, не считает ли он, что это я специально заманила бывшего мужа в лабораторию, чтобы он удостоверился в своем отцовстве, и воткнула нож ему в грудь.

– Нет, идея, как мы проверили, исходила от него, – сообщили мне (а разговор проходил уже после составления фоторобота в кабинете настырного следователя, где сидели еще трое). – И вы в самом деле с ним не встречались больше двух лет. Да и выкидной финкой, наверное, не смогли бы воспользоваться.

– И на том спасибо, – сказала я, подумав, что подобные ножички видела лишь в фильмах на определенную тему, а сама в руках никогда не держала.

Следователь посмотрел на меня внимательно, потом извлек из своего захламленного стола какую-то папку, порылся в ней и разложил передо мной веером несколько фотографий, сделанных в разных местах. Не было только стандартных в фас и в профиль, хотя, по его заявлению, теперь появилась надежда, что и они вскоре присоединятся к коллекции.

На них на всех был изображен «медик», с которым я встретила на лестнице. Только тут он развлекался в сауне с очаровательными юными леди, сидел за столом в ресторане с вызывающими у нормального человека жуть друзьями, в одиночестве пил пиво на фоне какого-то собора, явно заграничного.

– Вам очень крупно повезло, – сказал мне следователь. – Ну, может, потому, что у этого типа имеется одна слабость: женщины. Но все равно будьте осторожны. Я на всякий случай оставляю вам свою визитку. Если вдруг появится на горизонте – звоните немедленно.

– Как его хоть зовут? – устало спросила я.

В комнате послышался смех.

– Как зовут сейчас, сказать затруднительно. Изначально был Виталием Суворовым. В последний раз, когда мы выходили на его след, – Владиславом Суриковым. Но инициалы всегда «ВС». Он носит на правой руке перстень с таким вензелем, который можно будет снять лишь с мертвого Суворова.

– Понятно, – сказала я, вставая.

Самый старший по возрасту мужчина в кабинете, сидевший напротив того, которому поручили мое дело, внезапно сказал задумчиво в воздух, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Странно, что Суворов не убил с одного удара. На него не похоже.

– Ну, у всех случаются осечки, – заметил третий находившийся в комнате. Четвертый кивнул.

На меня больше не обращали внимания, обсуждая, как повезло моему бывшему и что же сегодня случилось с виденным мною господином Суворовым, любителем ножей и женщин. Оказалось, что он в состоянии бросить свое любимое холодное оружие на десять метров из любого положения и попасть точно в сердце. Или на этот раз он слишком торопился? Я не стала ждать продолжения дискуссии, да и меня, пожалуй, тут больше не желали видеть.

Уходя, заметила среди множества бумаг на столе самого старшего мужчины один из своих шедевров под названием «Маньяк и принцесса», заложенный где-то посередине. Неужели и в органах читают то, что я кропаю поздними ночами? Или это вещдок? Интересно было бы узнать мнение представителей компетентных органов о собственных опусах, но я постеснялась представиться. Хотя, может, стоило попросить у них материал для будущих шедевров?

* * *

Катьку и себя накормила тем, что вчера принес папин телохранитель по его приказу.

– А это что за бутылки? – спросила дочь, уставившись на выставку у помойного ведра.

Я пояснила.

– С закручивающимися крышками, – отметила Катька. – Для сока пойдут. Скоро смородина созреет. Где гнать будем в этом году? На даче или тут?

Катька у меня не по годам хозяйственная и уже здорово мне помогает. С другой стороны – опять гены. Моя мама тоже всегда обрабатывала все до последней ягодки.

Но сейчас мои мысли занимала совсем не обработка будущего урожая.

Не успела я помыть посуду, как раздался телефонный звонок. К нам в гости собиралась Надежда Георгиевна.

– Готовься встречать бабушку, – сказала я Катьке.

Надежда Георгиевна появилась довольно быстро, так что я могла сделать вывод: звонила она из машины. У свекрови имелся верный шофер, который возил ее еще в советские времена, правда, теперь он из «Волги» переместился в «Вольво». Надежда Георгиевна, в отличие от сына, шофера на улице не бросала и относилась к нему трепетно.

– Коля в комнате посидит, телевизор посмотрит, – безапелляционно заявила она мне.

Мы с Колей были давно знакомы, он мне кивнул и отправился туда, куда сказала начальница. Надежда Георгиевна без особого приглашения проследовала на кухню.

– Катенька, пойдти телевизор посмотри с дядей Колей, – просюсюкала она внучке.

– Не пойду, – последовал ответ.

– Катя, если взрослые говорят... – Тон свекрови тут же изменился.

– Все равно не пойду.

– Оля, как ты ее воспитываешь?! Что ты ей позволяешь?! – Надежда Георгиевна перешла на вопль.

– Давайте оставим воспитания на потом, – ответила я, наверное, излишне резко. – Я устала. И она устала. Да и вы тоже. Лучше скажите, как там Леша?

Поняв, что ей с нами больше делать нечего, а я намерена в самое ближайшее время отправить бабушку по месту прописки, Катька удалилась сама и стала что-то обсуждать с дядей Колей. Мы с Надеждой Георгиевной остались на кухне вдвоем.

Оказалось, что бывшему сделали операцию и сейчас он находится в реанимации. К счастью, лезвие не задело не только сердце и его оболочку, как боялись врачи, а вообще ничего жизненно важного, поэтому жить Лешка будет. «Если, конечно, не добьют в больнице», – почему-то подумала я, но вслух ничего говорить не стала. Неизвестно, как бы свекровь отреагировала на подобное заявление, а мне ругаться с ней не хотелось. Да и жалела я ее: Лешка – ее свет в окне.

Но Надежда Георгиевна даже без вопроса с моей стороны объявила, что в больнице рядом с палатой реанимации службой безопасности «Алойла» установлено круглосуточное дежурство. Завтра Лешку из реанимации должны перевести в обычную палату (вернее, не совсем, а класса «люкс»), там дежурить будет гораздо проще и удобнее. Надежда Георгиевна уже со всеми в больнице, милиции, прокуратуре и везде, где еще требовалось, договорилась, а службе безопасности дала соответствующие указания.

Затем теперь уже она в подробностях расспросила меня о случившемся. Пока слушала, дымила папиросами без фильтра. Меня всегда поражала эта ее привычка. Ну ладно бы, если бы Надежда Георгиевна была какой-нибудь диссиденткой, в советские времена работала не на родную партию, а на радио «Свобода» и закалялась в борьбе с агентами КГБ, продавая секреты агентам ЦРУ. Так нет же! Почему-то в моем сознании создаваемый Надеждой Георгиевной образ больше соответствовал врагу пролетариата, ругавшему на кухне существующий строй (в советские времена), а затем вставшему на путь демократии и активно ее защищавшему.

В новые времена Надежда Георгиевна не примкнула к демократам, порвала с коммунистами, в политической жизни города и страны не участвовала, а только активно занималась бизнесом. И любимым сыном, конечно.

– Ему кто-то угрожал? – робко спросила я у свекрови, когда закончила свой рассказ.

– Олечка, детка, ну неужели ты не знаешь, что такое современный бизнес, в особенности нефтяной? Хотя бы догадываться-то должна, что по лезвию бритвы ходим.

– Я была уверена, что у вас со всеми все улажено.

– Улажено-то улажено... Да не всегда возможно обойти все острые углы.

Надежда Георгиевна тяжело вздохнула и спросила, есть ли у меня водка. Шарахнула полстакана, как воду. Закусила кусочком булки. От прочей еды отказалась.

Я ожидала продолжения.

Наконец Надежда Георгиевна, не вдаваясь в детали, заявила, что в настоящий момент в городе действуют две крупные нефтяные корпорации, есть еще всякая мелочь, но, по большому счету, другие роли не играют. Кого-то пустили в область, и они сейчас там ставят бензоколонки, но Питер поделен, можно сказать, на две равные части. И Надежде Георгиевне с Лешей, и другой семейке, контролирующей вторую корпорацию, это не нравится (конечно, и те, и другие жаждут сами управлять всеми нефтяными потоками). Но две семьи долго сохраняли нейтралитет.

Сегодня ситуация изменилась.

– Вы уверены, что это вторая семья наняла киллера? – спросила я.

– Конечно. – Свекровь посмотрела на меня, как на полную идиотку. – И не только я, а даже все менты, не говоря уже о сотрудниках нашей компании. Началась война.

Надежда Георгиевна тяжело вздохнула.

- И что вы собираетесь делать дальше? - опять робко спросила я.

Свекровь посмотрела на меня внимательно, выпуская изо рта сизый дым, а потом заявила безапелляционным тоном, что намерена ввести меня в руководство «Алойла».

- Нет! - непроизвольно вскрикнула я так, что из комнаты тут же прибежала Катька.

- Мамочка, что случилось? - Катька посмотрела обеспокоенными глазами вначале на меня, потом на бабушку.

- Все в порядке, зайчик. - Надежда Георгиевна изобразила улыбку, которой улыбалась только внукам. - Иди к дяде Коле. Нам с мамой надо поговорить.

Но Катька не собиралась уходить, вместо этого устроилась на табуретке. Надежда Георгиевна крикнула Николая, которому все-таки минут через десять удалось уломать Катьку пойти досмотреть мультфильм. Я во время этого процесса обдумывала последние слова Надежды Георгиевны.

- А почему бы и нет? - невозмутимо сказала свекровь, когда Катька с Николаем нас наконец покинули. - Захочешь - научишься. Ты же не дура. Я помогу, пока жива. И ведь Лешку надо на кого-то оставлять, когда помру. Более надежных рук, чем твои, я не знаю. А там и детки подрастут. Отправим их учиться в Англию, ну или еще куда-нибудь. Потом тоже введем в руководство компании. А за ними опять же глаз да глаз нужен. Кто, кроме тебя, сможет им посоветовать, что делать? Кто примет их интересы близко к сердцу? Как свои собственные?

- А если Алексей женится еще раз? - спросила я.

- Не женится, - твердо сказала Надежда Георгиевна. - Я не позволю. Да и сам он прекрасно понимает, что жениться ни к чему. Ну если только снова на тебе. Я ему об этом, кстати, уже больше года твержу.

- О чем? - почти шепотом произнесла я, не веря в услышанное.

– О том, чтобы снова с тобой расписался, – невозмутимо повторила Надежда Георгиевна. – Лучшей жены он все равно не найдет. Тем более ты – мать его детей.

– Но ведь другая женщина тоже сможет родить ему детей, – заметила я, откровенно признаться, так пока и не разобравшись в Надеждиных целях.

Моя свекровь никогда ничего не делала просто так. Если она решила снова поженить своего сына и меня – значит, это для чего-нибудь нужно. Да, в последние годы у нас с ней установились ровные отношения. Не было ни любви, ни ненависти. Мы принимали друг друга такими, как есть, она многое сделала для меня в жизни, а я никогда не ограничивала ее в общении с внуками, которые были ее второй и третьей любовью после единственного сына. Я никогда не делала ей гадостей, не настраивала ее сына против нее, ничего не требовала ни для себя, ни для детей, с благодарностью принимая то, что она давала. В конце концов, можно сказать, что я приютила ее бывшего мужа, за ним присматривала, стирала ему носки, не давала ему спиться на пару с моим отцом и давала Петровичу почувствовать, что он кому-то на старости лет нужен. В общем и целом я приняла условия ее игры.

– Лешка больше не может иметь детей, – заявила Надежда Георгиевна, глядя мне прямо в глаза. – У него были сифилис, гонорея – дважды, трихомонады не помню сколько раз и еще куча всякой дряни. Естественно, все это и сказалось.

Надежда Георгиевна поведала мне, что ее лично смутило слишком большое количество дамочек, объявлявших Лешке, что собираются сделать его отцом. Я заметила, что это не должно казаться странным: почему бы не родить от нефтяного короля? Тем более холостого. Ведь о существовании меня и детей дамочки, наверное, даже не догадывались.

– Ну, в общем, да, конечно... Но, Ольга, понимаешь, когда каждая девка говорит, что беременна...

Две родили и требовали денег. Именно тогда Лешка и обратился впервые в то самое медицинское учреждение, где мы побывали сегодня. Теперь его там знает чуть ли не каждая собака. Анализы показали, что это не его дети.

Тогда он каждой следующей пассии, как только она заявляла, что от него беременна, стал предлагать родить, заявляя: если это его ребенок, он на ней женится и будет осыпать всеми благами (хотя на самом деле не собирался), а если нет – свободна.

Во всех случаях (а родилось семь детей) анализы показали, что Алексей не мог быть отцом младенцев. Часть дамочек после подобного ультиматума отправлялись на аборт. А кто-то вообще симулировал симптомы беременности.

Тогда Лешка сам решил провериться. И узнал, что теперь бесплоден.

– Поэтому он и Катюку сегодня потащил проверять?

– Конечно, – кивнула Надежда Георгиевна. – Без моего согласия. Если бы я знала... Оля, у меня нет сомнения, что это мои внуки.

– И на том спасибо.

Свекровь махнула рукой, сказала мне еще пару комплиментов, потом перечислила свои черты, которые видит во внуках, затем со вздохом заметила, что тем не менее понимает «мальчика». Конечно, ему хотелось убедиться... Далее Надежда Георгиевна сообщила, что, когда сегодня ей позволили пять минут пообщаться с сыном, она твердо заявила ему, что он может во мне не сомневаться и что она берет меня в «Алойл». Лешка с мнением матери согласился. Как обычно.

– Мы можем тебе доверять, Оля. Ты – член нашей семьи. А это в наше время главное. Образование, специальность – тьфу. Надо, чтобы человек был свой. А как дела вести – научишься. Так что давай отвози Катеньку на дачу, отдохни эти выходные и с понедельника приступай. Адрес фирмы знаешь? Нашего головного офиса? Его часто по телевизору показывают. Ох, во сколько мне эта реклама обходится! – И свекровь закатила глаза.

После чего Надежда Георгиевна извлекла из сумочки две тысячи долларов, при виде которых у меня округлились глаза, и положила на стол. Она велела мне купить себе парочку хороших деловых костюмов, пока только летних, дала адрес бутика, где ее знают, написала на бумажке, кого там спросить. Меня оденут по высшему классу, то есть помогут подобрать нужные вещи.

Затем мне было велено сходить в парикмахерскую, сделать стрижку, покрасить волосы. Макияж, как знала Надежда Георгиевна, меня научили делать в косметических салонах, которые я активно посещала в свое время опять же с ее легкой руки.

- И почему ты каждый день не красишься? - удивленно посмотрела на меня Надежда Георгиевна, словно видела в первый раз. - Выглядишь, как больная белая мышь. Сразу видно, что у тебя мужика нет.

При взгляде на лицо свекрови я сказала бы, что у нее тоже мужика нет, ведь покупных молоденьких мальчиков таковыми считать нельзя?

- Значит, чтобы в десять утра в понедельник была на рабочем месте. Внизу представишься охране, тебя тут же проведут ко мне.

- Нет, - твердо сказала я.

Свекровь явно не ожидала, что я не соглашусь. Она привыкла, что ей все беспрекословно подчиняются. Не родился тот человек, который бы осмелился ей перечить. Она привыкла управлять всеми и вся.

Но мой отказ она восприняла по-своему.

- Прости, Оля, - сказала она помягче, - я не сказала одну важную вещь. Для меня-то она само собой разумеющаяся, а ты, наверное, подумала... Конечно, ты будешь работать не бесплатно. Не просто за будущее наследство детей. Пять тысяч долларов. В месяц. Это на первое время. Потом будет больше.

Я не верила своим ушам. Я ожидала какого-то подвоха. Чтобы Надежда Георгиевна, да еще на пару с Лешкой стали отстегивать кому-то по пять тысяч долларов в месяц? Тем более мне? Они никогда не воспринимали меня серьезно. Пусть Надежда мне доверяет, но она не считает, что я стою таких денег. Да и я сама не считаю...

Она явно что-то задумала. Но вот что?

- Все равно нет, - твердо сказала я вслух.

– Олечка, детка, хочешь, я тебе за первый месяц вперед заплачу? – посмотрела на меня свекровь. – Да, я догадываюсь, что тебе трудно мне поверить. Но мне рядом нужен человек, который не воткнет мне в спину нож.

Надежда Георгиевна замолчала на мгновение, поняв, что ассоциация получилась уж больно актуальной, хотя Лешке нож воткнули в грудь.

– Оля, другого такого предложения ты никогда в жизни не получишь. Ты, я надеюсь, понимаешь это?

– Все равно нет. Вы сами только что говорили, что нефтяной бизнес смертельно опасен. А мне еще пожить хочется. И не оставлять детей сиротами.

– За детей не беспокойся, – отрезала Надежда Георгиевна.

Внезапно в голове у меня что-то щелкнуло. А не запланировала ли эта старая партийная пройдоха как-то меня подставить? Вместо себя и Лешки? Внуками она, конечно, жертвовать не намерена, тем более если Лешка больше не может иметь детей, да и она стать матерью уже не способна, несмотря на передовые достижения американской медицины, благодаря которым даже восьмидесятичетырехлетние старухи рожают. А подставить меня, если вообще кого-то надо подставлять... Эта хитрюга вполне могла придумать что-то такое запутанное, что сам черт не разберет. А в результате она и Лешка выйдут сухими из воды. От меня же можно спокойно избавиться. Я – не член семьи и не кровная родственница, а просто мать Надеждиных внуков.

– Ты что, так и думаешь до конца жизни кропать свои книжонки? Кстати, одного моего слова будет достаточно, чтобы ты осталась без этой работы.

Подобного я стерпеть не могла и обозвала свекровь старой сукой, готовой манипулировать чужими жизнями ради своих корыстных интересов. Она восприняла мой выпад как нечто само собой подразумевающееся, сгребла баксы с кухонного стола, сказала, что разрешает мне подумать до конца лета, встала, крикнула Николая, ласково поцеловала Катюку в щеку и удалилась.

– Мама, что она от нас хотела? – примчалась на кухню дочь после того, как закрыла за бабушкой дверь.

Я не знала, что ответить.

– Мама! – дернула меня Катька за рукав халата.

Я пожала плечами. Дочь подумала немного и вдруг заявила, что бабушка стала какая-то фальшивая. Раньше она была другая. Я посмотрела на Катьку раскрыв рот и не нашла что ответить.

Глава 5

На следующий день мы встали поздно, лениво позавтракали, потом заехали на рынок, чтобы обеспечить моих на даче необходимыми продуктами (сейчас, конечно, и в поселке все можно купить, но там дороже), забрали кое-что из вкусностей, оставленных позавчера папой, и отбыли в направлении дачи.

Поскольку мы ехали не утром и не вечером, весь народ, собирающийся за город, или уже загорал на заливе, или еще работал и пока не собирался в свой особняк. В результате на шоссе было относительно пустынно. Стояла жара, и мы с Катькой мечтали поскорее оказаться на пляже. Я решила, что мы даже искупаемся по пути. Дочь заметила, что мы знаем место, где обычно проводит время наша семья, значит, можем к ним присоединиться: они ведь еще не ушли с пляжа, а потом вместе с дедушками и Витькой пойдем в дом.

Я согласилась. Но нашим планам было не суждено сбыться: спустилось колесо.

Пришлось притормозить у обочины и вылезти из машины. Пока я осматривала причиненный моей развалюхе ущерб, Катька отбежала назад и вскоре вернулась с парой больших гвоздей, продемонстрировав их мне.

– Их там кто-то рассыпал. – Катька кивнула назад. – Рассыпали и не убрали. Нехорошо.

В этот момент она здорово копировала интонации моего отца.

Запаска у меня имелась, только я не очень представляла, как буду менять колесо без чьей-либо помощи. И как назло – ни одной машины. Да и рассчитывать на помощь женщине с ребенком особо не приходилось, тем более от владельцев роскошных иномарок, гоняющих на диких скоростях по этому шоссе.

Но я ошиблась.

При помощи Катьки я, утирая пот со лба, начала незнакомую мне процедуру: заменять колеса мне никогда не доводилось, да и, признаться, они у меня еще никогда не спускались. Отец и свекор следили за машиной вместе, так что «запорыш» бегал уже много лет, причем довольно исправно. Все мои предыдущие поломки случались в городе, я звонила и вызывала одного из дедушек. Сейчас же мы встали на пустынном шоссе, где с двух сторон – лес. Куда вызывать дедушек? И на чем они поедут? Проще было самой попытаться заменить колесо.

Минуты через три моих мучений (за это время мимо пронеслось пять машин, даже не сбавивших скорость) вдали, на пригорке, с той стороны, откуда приехали и мы, появился огромный черный джип.

Я никак не ожидала, что его владелец остановится рядом с «Запорожцем».

Но джип остановился, и из него выскочили двое мужчин лет тридцати восточной наружности. «Красивые парни», – отметила я про себя.

– Помочь? – улыбнулся один.

– Если можно, – пролепетала я и вспомнила, что сегодня из-за жары не потрудились навести должный марафет. Хорошо хоть глаза подвела.

Парни были в летних брюках и футболках, имели накачанные загорелые тела. Оба бросили внимательный взгляд на мое тело. Я была в простом ситцевом платье, которое сшила сама по выкройке из «Бурды». И знала, что оно мне идет – как и вообще голубой цвет. Да и с фигурой у меня полный порядок: несмотря на двух детей, я оставалась стройной. Конечно, не помешала бы пластическая операция груди, но... И с лицом, конечно, надо что-то сделать, Надежда Георгиевна права, а я с утра поленилась. И вообще ленюсь.

Ветерок трепал подол платья, обнажая мои стройные длинные ноги. «Пожалуй, из-за фигуры не стоит беспокоиться», – подумала я, глядя, как парни ловко управляют с колесом, а в парикмахерскую давно пора наведаться. И на этих выходных нужно позагорать. Загар мне идет. Загорелая блондинка – это здорово. И обязательно всегда выходить из дома накрашенной.

А мальчики-то хороши... В особенности один...

«Дура! – одернула я себя. – Прекрати витать в облаках! Тебе сколько лет?! И зачем ты им сдалась?.. Скажи спасибо, что колесо поменяют».

Катя скакала вокруг мужчин, они с ней шутили, потом дочь изъявила желание поучаствовать в процессе замены колеса, ей даже дали подержаться за гаечный ключ, или как там он называется, затем она попросила разрешения посидеть в джипе, туда слазала, выскочила назад, потом захотела пить, я уже собралась достать бутылку с водой, но старший из парней сказал, что у них в баре есть холодненькое. Один наш спаситель остался докручивать болты, второй на пару с Катей опять пошел к машине, они позвали меня, и я увидела, что в джипе сзади в самом деле имеется мини-бар, где представлены не только прохладительные напитки.

– Катя, только очень холодное нельзя! – напомнила я. – А то горлышко заболит, и будешь в жару с температурой валяться.

Мужчина и тут нашелся, открыв две бутылки Катей любимой «Фанты»: ледяную и теплую, стоявшую просто так (и подобный запас имелся), потом, смешивая теплую и холодную жидкости, наполнил пластиковые стаканчики и поднял тост:

– За знакомство! С дочкой мы уже познакомились, а как зовут маму?

– Ольга Викторовна, – встряла Катя, не дав мне молвить ни слова.

– Просто Ольга, – почему-то покраснела я.

Одного из спасителей звали Камилем. Второй продолжал проводить какие-то манипуляции с моим «Запорожцем» и к нам не присоединился. Камиль налил

нам еще «Фанты», потом у него в баре (то есть морозилке) нашлось мороженое, которое мы все дружно съели (каждый по сахарной трубочке, которые так любит Катя). После этого угощения дочь, можно сказать, влюбилась в Камилу.

Но я понимала, что у этих молодых людей есть и более важные дела, чем замена спущивших колес женщине после тридцати с десятилетней дочерью. Хотя мы с ними, наверное, почти ровесники, вдруг подумала я, но я уже не чувствую себя молодой. Да и была ли у меня молодость?

Вдруг стало очень грустно. Вот этот Камил сейчас уедет, и я его больше никогда не увижу. Да и зачем я ему? У него, наверное, женщин...

Хотя...

А может, в самом деле принять предложение Надежды Георгиевны? Ведь если я стану... одним из руководителей нефтяной компании «Алойл» и все в городе будут знать, что именно мои дети являются ее наследниками... Внимание мужчин мне обеспечено. С какими целями – другой вопрос. Но уж, по крайней мере, жалость я не буду вызывать ни у кого. И «Запорожец» поменяю на иномарку не хохляцкого производства.

Хотя входить в руководство нефтяной компании опасно для жизни. И я понятия не имею о Надеждиных истинных намерениях.

Но это вторично.

По крайней мере, в начале недели я приведу себя в... презентабельный для любого мужского общества вид.

Наконец колесо было заменено (хотя процедура, по-моему, отняла гораздо больше времени, чем на нее должно уходить), приятель Камил подошел к нам, но не представился, я искренне поблагодарила мужчин, мы загрузились по нашим машинам и джип унесся вперед. Но его номер я запомнила.

Все выходные я усиленно загорала, заявляя дедушкам и детям, что в последнее время страшно устала и нанервничалась. Дедушки кивали головами, вечером наливали мне стакан, утверждая, что это лучшее средство для снятия стресса, но соглашались, что мне нужно отдохнуть и я слишком много работаю.

Услышав про Надеждино предложение, оба заявили, что я правильно сделала, отказавшись. Свекор хорошо прошелся по бывшей женушке, наверное, в эти минуты Надежде Георгиевне здорово икалось. Более того, оба деда обещали поговорить со старой партийной сукой – они всегда именовали ее одинаково, правда, сейчас она выглядела лет на двадцать моложе и своего бывшего, и моего отца.

Вечером в воскресенье я поехала назад в город, в понедельник утром первым делом отправилась в парикмахерскую, где мне сделали стильную длинную стрижку, перекрасив грязно-белые волосы в цвет спелой пшеницы, который на мне смотрелся естественно и прекрасно сочетался с полученным в выходные дни загаром.

Остатки гонорара за «Розовые страсти», на которые я планировала купить себе новые зимние сапоги (всегда придерживаюсь принципа «готовь сани летом»), потратила на лучшую французскую косметику. На сапоги еще заработаю. Я как раз писала в эти дни продолжение «Розовых страстей»: материала было предостаточно. Перед тем как взяться за первый роман на лесбийскую тему, я поместила в Интернете объявление: «Девушка ищет опытную наставницу». Мне пришло более пятидесяти откликов. О многом я даже не догадывалась... Что с меня взять? Родилась в те годы, когда у нас в стране секса еще не было, а уж истинного значения голубого и розового цветов точно никто не знал.

После выхода романа я получила массу писем от лесбиянок (они приходили на адрес издательства), которые говорили, что Алена Эросмани (мой творческий псевдоним) очень хорошо понимает суть вопроса, и интересовались моей истинной ориентацией. Если прочитать все написанные мною книги, то этот вопрос должен возникнуть у любого читателя: по заказу издательства в чем я только не изощрялась... Но лесбийский роман получил наибольшее количество откликов и проданся самым большим тиражом (возможно, и мужчины захотели узнать побольше об этом деле), поэтому мне заказали продолжение, которое я сейчас и заканчиваю. Главную героиню сделала образом собирательным, позаимствовав кое-какие черты Надежды Георгиевны, директрисы школы, где

работала после окончания университета, и преподавательницы истории КПСС, мучившей нас полтора года в универе и заставлявшей зубрить решения съездов ныне почившей партии.

Вечером я решила опробовать на себе новую косметику, чтобы посмотреть, какой эффект может получиться. Вообще-то на следующий день я планировала навестить к Лешке в больницу, неплохо будет его удивить. Может, быстрее пойдет на поправку. Если, конечно, не заработает себе сердечный приступ при виде нового имиджа бывшей жены.

В общем, я сделала из себя конфетку.

И почему я не сделала все это в пятницу?

На глаза, смотревшие на свое отражение в зеркале, невольно навернулись слезы. Но я быстро заставила себя успокоиться (еще не хватало красных глаз!) и подумала: а не отправиться ли мне подышать свежим воздухом? Просто так. Чтобы посмотреть на производимый эффект.

Но тут встал вопрос: куда я могу пойти? И куда я могу пойти одна? Зайти куда-то выпить кофе? Но денег осталось только на еду и на бензин, я не могу позволить себе разгуливать по кафе. Просто пройтись по улице? Но в тридцать три и для матери двоих детей это более чем странно. Позвонить кому-то из подружек? Но они при виде меня... Наверное, испытают не самые лучшие чувства, что будет неприятно и мне, и им самим.

Я опять с грустью посмотрела на свое отражение в зеркале. Вот теперь я себе нравилась. Еще бы заменить этот легкий летний ситцевый халатик на что-нибудь из легкого китайского шелка, приятно ласкающего тело... Нижнее белье бы надо купить какое-нибудь сексуальное... Видела недавно в одном магазине кое-что интересное... Я ведь в последнее время по салонам дамского белья ходила лишь с одной целью – сбор материала для своих опусов. В секс-шопе появлялась один раз в сопровождении свекра (одна пойти не решилась) – с той же целью. Свекор тогда очень сокрушался, что ничего подобного в годы его молодости не продавалось и даже не делалось народными умельцами. Советскому человеку, строителю коммунизма, такие «игрушки» не требовались. Свекор подал мне несколько забавных идей для следующего шедевра. Самой мне они, признаться, в голову бы не пришли.

В секс-шоппе мы со свекром с большим интересом узнали, что в России фаллоимитаторы производят только в нашем родном Санкт-Петербурге и Казани (официально, с сертификатом и по лицензии), восемьдесят же процентов подобных изделий, продающихся у нас, – импортного производства. Разница в цене значительная, ведь импортные сделаны гораздо качественнее и из современных материалов, наши же изделия шлепают из медицинской резины и геля – это те, что имеют сертификат. Из чего делаются подпольные, знают одни производители.

– Гордись, – сказал свекор после совместного посещения секс-шопа, – живешь в одном из двух российских городов, производящих фаллоимитаторы. Обязательно отметь это в следующем романе.

Я тут же стала прикидывать, как моя героиня из патриотических соображений будет использовать только отечественные искусственные фаллосы, причем произведенные в родном городе. А не срубить ли мне денежку с производителей за рекламу?

Итак, надо пойти в магазин, чтобы купить белье. Хотя я, признаться, предпочитаю его полное отсутствие. Но мужчины любят что-то снимать с женского тела. Не куплю – так хоть опять материальчику соберу. Ведь магазины регулярно закупают новые модели. Посмотрю, во что оденутся мои героини в следующих романах.

Я опять посмотрела на свое отражение в зеркале и разревелась.

В это мгновение раздался звонок в дверь.

Я застыла на месте. Потом взглянула на часы. Восемь вечера. Кого могло принести? Опять Надежда Георгиевна? Не удосужилась даже позвонить. Но, с другой стороны, сейчас мой внешний вид гарантирует ей сердечный приступ. По крайней мере, утру ее партийный нос. То есть нефтяной. Черная королева, тоже мне. Ее так в одной газете обозвали, и ей очень понравилось.

Я быстро поправила волосы, слезы высохли сами, тушь даже не размазалась (значит, в самом деле несмываемая? Не зря деньги отдала?), улыбнулась своему отражению и двинулась к входной двери, в которую уже позвонили во второй раз.

Я даже не стала смотреть в глазок.

Поэтому...

Я не смогла бы описать всех своих чувств.

На пороге стоял Камиль, с которым мы познакомились на шоссе в пятницу.

При виде меня у него на лице тоже изобразилось удивление, но он быстро взял себя в руки, широко улыбнулся и сказал мне, что я великолепно выгляжу.

– Спасибо, – мяукнула я и пригласила его пройти, думая о том, что квартиру-то я как раз и не успела убрать. Да и халатик надо было все-таки на что-то поменять. И белье надеть. Нет, то, что у меня имеется, лучше не надевать вообще.

Но Камилю было плевать на квартиру и халатик, он проследовал в комнату, где у меня живут дети с дедушкой, и расположился на дедушкином диване. Сама я занимаю маленькую комнату, где умещаются моя тахта, книжный шкаф, тумба с принтером и письменный стол с компьютером. К себе я никого из родственников не поселяю еще из тех соображений, что работаю ночью, когда они все спят.

Но в комнате у нас отсутствует стол, а когда мы там едим перед телевизором, то делаем это на табуретках из кухни. Как же принимать Камиля? Объяснять ему, что у меня даже нет складного столика и я всех подруг развлекаю на кухне?

Однако он быстро понял, что мне неловко, и сумел сделать так, что я почувствовала себя в его присутствии просто великолепно.

Он привез бутылку французского вина, печенье и конфеты. В результате мы устроились на дедушкином диване с двумя табуретками перед ним.

Но меня, конечно, интересовало, откуда Камиль узнал мой адрес.

– А номер машины? – улыбнулся он.

Вообще-то машина принадлежит свекру, я езжу по доверенности. А свекор прописан совсем в другом месте, хотя у нас одинаковые фамилии... Камиль опять мгновенно прочувствовал ситуацию и с загадочным видом пояснил, что при желании и возможностях можно узнать все, что требуется, а у него были и желание, и возможность.

Однако в моей душе все равно оставался червь сомнения. Этот роскошный мужик видел меня всего один раз на шоссе, тогда я выглядела не так, как сейчас. А у этого Камилля явно есть деньги. Плюс к ним внешность, подвешенный язык, молодость... С таким набором он не должен страдать от недостатка женского внимания. Зачем ему женщина с ребенком? Вернее, с двумя детьми, что он уже тоже вполне мог выяснить. Да еще и русская женщина, он же восточный мужчина... Причем красивый восточный мужчина... Я внутренне вздохнула.

«С другой стороны, ведь не жениться же он на мне собрался?» – одернула я себя. И почему я опять страдаю от комплекса неполноценности? Почему я не могла понравиться мужчине?

«Но только не этому мужчине», – говорил мне внутренний голос, который я не желала слушать.

Правда, мне не удалось пообщаться с внутренним голосом, так как Камиль обнял меня и накрыл мои губы своими. Целовался он классно. Лешке может дать фору, почему-то подумала я. Тут же себя одернула: нашла время вспоминать бывшего! Но стоило Камиллю начать расстегивать пуговицы на моем халатике, по ходу дела отмечая, что он обожает женщин, которые не носят нижнее белье (в отличие от Лешки: тому, наоборот, нравилось все снимать – да что это я все время бывшего вспоминаю?!), как в дверь опять позвонили.

Я дернулась так, словно на меня вылили ушат холодной воды.

– Ждешь кого-то? – резко спросил Камиль. – Почему ты меня об этом не предупредила?

Я покачала головой.

Он же теперь совсем другими глазами рассматривал мой новый облик. А я проклинала того, кого принесло сегодня вечером без приглашения.

– Я ни с кем не договаривалась, – твердо сказала я, не желая, чтобы этот роскошный мужчина ушел. – Может, соседка пришла за чем-то. Погоди, я сейчас.

Направляясь к входной двери, я успела бросить взгляд в зеркало, висевшее в коридорчике. Мое лицо покраснелось, и не только от вина, но взгляд изменился. Я больше не смотрела на мир, как больная лошадь или загнанная в угол мышь. Я была готова дать отпор любому незваному гостю.

Но я опять никак не ожидала увидеть того, кого увидела.

Это был следователь, допрашивавший меня после покушения на Лешку.

При виде меня он открыл рот, но, как и Камиль, быстро взял себя в руки и сказал, что я очень хорошо выгляжу.

– Спасибо, – буркнула я, не представляя, как бы побыстрее от него отделаться.

– Разрешите войти?

– А нельзя ли перенести нашу встречу на другой день? – исключительно вежливо поинтересовалась я и добавила: – У меня гости.

– Я звонил вам сегодня с самого утра, Ольга Викторовна, но вы не подходили к телефону. А у нас набралось немало вопросов.

Я не знала, что делать. Когда соседка со второго этажа ночью пыталась вызвать милицию, потому что пьяный муж грозился убить их с сыном, и они сидели, заперевшись в одной из комнат, к счастью, той, где стоял телефон, ей ответили, что нет ни одной свободной машины и блюстители порядка приехать не могут. Бабка с пятого этажа, которой не спалось, услышала у себя за стенкой, как снявший квартиру парень насилует девчонку (что потом и подтвердилось), но бабке тоже сказали, что в ближайшее время никто подъехать не может, так как все сотрудники разъехались по вызовам. И еще добавили, что все кому не лень почему-то ночью звонят в милицию. Нет чтобы спокойно спать и не тревожить

других людей.

А когда не надо – органы тут как тут. Сами к тебе на порог заявляются.

– Я ненадолго, – изобразил улыбку удава следователь. – Ваш мужчина выкурит две сигареты – и я уйду.

– Я не курю, – прозвучал у меня из-за спины голос Камиля.

Следователь вытянул шею, чтобы заглянуть через мое плечо.

– Кто это? – спросил Камиль.

– Из органов, – ответила я.

– Пусть проходит, – сказал Камиль.

Я отступила в сторону, пропуская незваного гостя, а когда перевела взгляд на Камиля, с трудом сдержала возглас удивления. Он был обнажен до пояса, оставшись в одних брюках. На груди и на боку у него имелись два шрама – по этим местам кто-то проходился ножичком. Но тело... Я с трудом смогла взять себя в руки и вернуться на грешную землю.

Удивление при виде Камиля, отобразившееся на лице следователя, было не сравнимо с удивлением, которое он испытал при виде моего нового имиджа.

Но мой первый гость изображал собой радушие и проявлял восточное гостеприимство. Он сам проводил второго на кухню, принес табуретки из комнаты, поставил одну мне, сам занял другую.

– Вы не возражаете, если я поприсутствую при вашей беседе? – Камиль был само дружелюбие. Следователь тоже взял себя в руки. – Нельзя ли взглянуть на ваше удостоверение?

Гость протянул ксиву, изучая которую Камиль сверил фотографию с оригиналом Сидорова Андрея Геннадьевича. Потом вернул ксиву хозяину и поинтересовался, в чем, собственно говоря, дело и чем объясняется такой поздний визит в

квартиру его женщины.

Я потеряла дар речи.

Андрей Геннадьевич откашлялся.

– В прошлый четверг было совершено покушение на мужа Ольги Викторовны, – начал он сухим официальным тоном.

– У тебя есть муж?! – повернулся ко мне Камиль.

– Бывшего мужа. Бывшего, – тут же поправился Андрей Геннадьевич, хотя, как мне показалось, он оговорился преднамеренно.

– Дальше, – приказал Камиль.

Я обратила внимание на то, что мой восточный гость говорит в основном приказным тоном и властно. В наших людях все-таки сидит какой-то, пусть даже подсознательный страх перед органами. Мне, например, нечего бояться этого Андрея Геннадьевича, я ни в чем не виновата и уверена, что он это знает, но тем не менее... Я не посмела бы с ним разговаривать так, как Камиль.

А Андрея Геннадьевича присутствие моего первого гостя явно смущало (или беспокоило? Может, даже страшило?), и он не задал тех вопросов, ради которых пришел ко мне домой. По крайней мере, так показалось мне. Он переливал из пустого в порожнее то, о чем мы уже говорили и в медицинском учреждении, и у него в кабинете. Я подыгрывала, не желая все-таки настраивать органы против себя. И Андрей Геннадьевич явно это понял.

Мне было его почему-то жаль. Забитый совковый мужик, с самой заурядной внешностью, уже лысеющий, возможно, подкаблучник, с небольшой зарплатой и без каких-либо перспектив. Ведь я сама отношусь к той же части нашего общества, так сильно расслоившегося в последние годы... Как ему, наверное, сейчас неуютно: ведь напротив него сидит молодой красивый самец, у которого явно есть все...

– Ольга Викторовна, мне хотелось бы завтра пригласить вас к нам, – заявил Андрей Геннадьевич, закрывая папочку. – Будьте добры, подойдите, пожалуйста, часика в два.

– А разве вы сегодня не задали все вопросы? – удивленно посмотрел на гостя Камиль. – По-моему, Ольга Викторовна вам все рассказала.

– Нужно будет сделать фоторобот. В квартире Ольги Викторовны это невозможно, как вы сами понимаете.

– Да, конечно, я приду, – пискнула я.

– Спасибо, – встал Андрей Геннадьевич. – Значит, жду вас завтра в два.

Когда я закрывала за гостем дверь, он обернулся и посмотрел мне прямо в глаза, покачал головой, но сказать ничего не решился: хотя Камиль и остался на кухне, он бы все услышал.

Я вернулась на кухню. Камиль сидел глядя в окно, погружившись в глубокие размышления.

– Менты всегда весь кайф ломают, – наконец произнес он и повернулся ко мне. – Я сегодня не останусь у тебя.

Он сходил в комнату, оделся, целомудренно поцеловал меня в щечку и ушел.

Я не знала, радоваться мне или плакать. Не понимала, что чувствую, – или не хотела понимать. Я один раз уже обожглась... И сколько мне было лет тогда? И сколько сейчас?! Я – взрослая женщина, мать двоих детей, но...

Стала вспоминать, как себя вела сегодня вечером. Что говорила, что позволила Камиллю... В общем, занималась дурью, как какая-нибудь школьница.

Но что было нужно ему?! Что?!

Боже, как я хочу ему отдаться...

Глава 7

Я долго не могла заснуть и лежала, глядя в потолок широко открытыми глазами. Что было нужно от меня Камиллю? Такие парни, как он, могут позволить себе любых женщин, именно любых. Но он пришел ко мне. Кто он? Зачем я ему нужна? А ведь нужна зачем-то...

Если бы Лешка вдруг решил вернуться, я бы это еще могла понять. Все-таки какое-то общее прошлое, общие дети, его отец относится ко мне как к родной дочери, и даже Надежда Георгиевна меня приняла.

Я могла бы понять интерес какого-нибудь среднего мужчины на подержанных «Жигулях», если бы тот помог мне поменять колесо на пустынной загородной трассе. Андрея Геннадьевича, например. Кстати, а он с какой целью тут сегодня появлялся?

Но, с другой стороны, ведь встреча с Камилем на шоссе была случайной. Не мог он ее подстроить. Не мог он подкинуть те гвозди, на которых я прокололась. Да и кто я такая, чтобы это все подстраивать? Зачем?!

Неужели я в самом деле ему понравилась (я тешила свое самолюбие), как восточным мужчинам нравятся натуральные блондинки? Помню я свои выезды в шоп-туры в Турцию и Эмираты, а также отдых в Сухуми в советские времена. Я пришла к выводу, что на всех языках (по крайней мере, грузинском, турецком и арабском) слово «дэвушка» хотя и звучит по-разному, но ощущается самой «дэвушкой» одинаково. Произносится тоже одинаково: утробно-урчаще, с причмокиванием, цоканьем и сопровождается раздеванием масляными глазами.

Правда, в Турции и Эмиратах мне тут же захотелось учиться стрелять. В случае Камилля возникла диаметрально противоположная реакция. Ему хотелось отдаться.

С этими мыслями я заснула.

На следующее утро прикинула, что мне делать дальше, вспомнила про встречу с Андреем Геннадьевичем, назначенную на два часа дня, решила, что с утра в больницу к Лешке не успею, да и с утра в больнице должны быть процедуры. Поеду вечером, после встречи со следователем.

Поскольку холодильник еще не опустел и в магазин идти не требовалось, а квартиру, как обычно, было убирать лень, я решила немного поработать над «Розовыми страстями – 2». Как раз прочитала свою электронную почту, почерпнула немного новой информации по лесбийским утехам и состряпала на ее основе очередную главу.

В двенадцать тридцать я компьютер выключила, быстро перекусила, затем занялась макияжем. Не для Андрея Геннадьевича, для Лешки. Надо будет сразить бывшего наповал – в переносном смысле. В прямом он и так валяется на больничной койке. А вдруг мой новый имидж поможет ему быстрее поправиться? Слышала я где-то, что воля к жизни творит чудеса. Хотя в больнице наверняка найдется немало медсестер с нищенской зарплатой, готовых всячески способствовать процессу выздоровления нефтяного короля. Там, наверное, уже очередь. Не поцарапали бы мне лицо. И волосы родные жалко, если вырвут. Зря я, что ли, новый имидж создавала? Может, в самом деле прихватить что-то для самообороны? Вот только что?

Стала вспоминать, чем в моих собственных романах героини сражаются за мужиков. Ногтями – раз, зубами – два, тарелки об головы соперниц разбивают – три, стреляют из пистолетов – четыре. Свои родные ногти и зубы было жалко, поэтому эти два варианта я отмела сразу же. Да и в процессе такой схватки я сама вполне могу пострадать, как не имеющая достаточной практики. Тарелку с собой прихватить? Жалко тарелку, дети и так их постоянно бьют. И куда мне ее класть? В сумочку не поместится. Мешок взять? Так ведь каждый идиот будет спрашивать, чего это я с тарелкой разгуливаю. Лешка меня на смех поднимет. В общем, от тарелки я тоже отказалась. Пистолета в доме не было. Автомата тоже. У кого взять их, я не знала. Хотя в службе безопасности «Алойла» все это должно бы быть. Надежде Георгиевне позвонить? Попросить выделить? Кстати, а почему бы и нет? Должны быть у меня средства самообороны? Ведь если на Лешку совершено покушение, значит...

«Ничего это не значит», – сказала я сама себе. Ты никому не нужна, Оля. И обойдешься как-нибудь без средств самообороны. И ни с кем за Лешку сражаться не будешь. Отдашь его без боя. В первую очередь потому, что тебе

самой не нужен ни он, ни его деньги. И вообще ты предпочла бы его больше никогда в жизни не видеть. Как и его мамочку.

А вот Камиля...

«Прекрати, дура, – закричала я мысленно. – Ты вполне можешь никогда в жизни его больше не увидеть. И вообще, хватит вести себя, как шестнадцатилетняя школьница!»

* * *

Я вошла в уже знакомое мне здание, где работал Андрей Геннадьевич, без десяти два. «Запорожец» припарковала недалеко от входа. Когда проходила мимо двух курящих на улице лиц в милицейской форме, мужчины мне улыбнулись, показательно переводя взгляды с потрепанной машины на мой новый облик. Как-то они не очень вязались друг с другом. Под мой новый имидж больше подошла бы «жирная» «БМВ» или хотя бы «Ауди». Правда, одета я была не самым лучшим образом, одежда как раз больше тянула на «запорыш», чем на любую другую машину. Но, стараясь видеть во всем положительное, я радовалась, что езжу на иномарке – Украина-то теперь у нас другое государство.

Кабинет Андрея Геннадьевича нашла без труда и обнаружила там знакомый бардак из вещдоков и бумаг. Из обитателей присутствовали только двое, старший из них с очень серьезным выражением лица читал «Маньяка и принцессу», которую я в прошлый раз видела на его захламленном столе.

Я поинтересовалась, где Андрей Геннадьевич.

Двое мужчин подняли на меня глаза. Поклонник моего литературного таланта сделал это с большим трудом. Он был на середине книги, а насколько я помнила, там чуть ли не на каждой странице идут сцены изнасилований. Принцесса у меня там участвует во всех оргиях – в разных качествах. Ее саму вначале насилюют, а потом у нее крыша едет на этой почве, ну она и устраивает развлечения вместе с подданными. Потом влюбляется в маньяка, который над ней надругался в первой главе. В предпоследней король, отец принцессы, приговаривает его к смертной казни, а она в последней главе проникает к нему в камеру смертников в ночь перед казнью, и утром, когда за маньяком приходит

стража, чтобы вести на лобное место, они с принцессой не могут оторваться друг от друга. Стража подключается. Закончила роман многоточием. Вдруг издатели захотят продолжения. Поэтому и не убила маньяка со всей определенностью. Пусть читатели сами решают, казнили его или нет. Кому как больше нравится. Идея книги, кстати, принадлежала главному редактору. Он, оказывается, сам всю жизнь мечтал написать нечто такое, но, как объяснил мне, все времени не хватает, поэтому «подарил» идею мне. Я пожала плечами и написала. Я давно уже научилась не удивляться идеям издателей, у них в головах часто живут червяки каких-то странных пород.

– А вы, простите, кто? – спросил нечитающий мужчина. Меня они, конечно, не узнали, да и в старом облике, не исключено, не вспомнили бы. У них тут, похоже, проходной двор.

– Андрей Геннадьевич приглашал меня на два часа, – пискнула я.

У меня поинтересовались, по какому делу. Я сказала, не упомянув вчерашний визит их коллеги ко мне домой.

– А... – протянул любитель изнасилований. Или ему исторический колорит понравился? – Так там все ясно, кажется.

– А он говорил, почему решил вас снова пригласить? – уточнил второй.

Я покачала головой, изобразив святую простоту.

– Дело будет передано другому сотруднику, – сказал любитель изнасилований. – Если потребуется, вас вызовут.

И оба мужчины, казалось, забыли о моем существовании. Мне их поведение показалось странным (не из-за моего нового имиджа). Куда же подевался Андрей Геннадьевич? И почему дело передают кому-то другому?

Я попрощалась с сотрудниками органов, они буркнули в ответ что-то неопределенное (я перевела бы это бурчание на русский язык как «Нечего больше сюда ходить и отрывать занятых людей от важных дел»), один уже погрузился в бумаги, второй – в «Маньяка и принцессу». Интересно все-таки, он

для себя читает или потому, что по работе требуется?

Выйдя на солнечный свет, я задумалась, затем вспомнила, что у меня в сумочке лежит визитка Андрея Геннадьевича со всеми телефонами, включая домашний.

Визитку я нашла быстро: их у меня в сумочке не так много, а если быть абсолютно точной, так только одна эта. По мобильному не ответили. Я набрала домашний номер Андрея Геннадьевича, нацарапанный корявым почерком.

Трубку сняла женщина. Она плакала.

Я извинилась за беспокойство и попросила Андрея Геннадьевича к телефону.

– Вы еще не знаете? – всхлипнула она. – Его сегодня утром сбила машина. Когда он вышел из дома.

– Он в больнице? – с надеждой в голосе спросила я.

– Нет. Он умер на месте.

Женщина повесила трубку, не сказав больше ни слова.

Случайность?

Что-то слишком много случайностей стало происходить в моей жизни в последнее время. Я еще могла бы поверить в одну. Но несколько... Это чей-то злой умысел. Вот только чей?

Посмотрев на часы, я решила прямо сейчас съездить в больницу к Лешке, потом, наверное, остановлюсь у карьера, расположенного недалеко от моего дома, искупаюсь, куплю хлеба и поеду описывать розовые страсти. Чем скорее закончу, тем быстрее получу гонорар. Зимние сапоги куплю, на шубу буду копить. И что там еще покупал народный герой Леня Голубков? Дом в Париже вроде бы. И на Чемпионат мира по футболу с братом ездил. Мне бы просто по Европе прокатиться... С любимым мужчиной...

Затем издательство желает получить что-то на темы пионерских лагерей, студенческих стройотрядов, комсомольских слетов или чего-то в этом роде. Они провели какое-то там исследование и пришли к выводу, что меня читает много людей советской закваски, которым подобная тематика навеет ностальгические воспоминания о том, «как молоды мы были». Ну что ж – я напишу. Тем более есть свекор – ценнейший источник информации по данным вопросам. Он уже поведал мне, что его первой женщиной была пионервожатая, причем процесс происходил в красном уголке под красным знаменем и портретом Владимира Ильича. В стройотряды и колхозы свекор тоже активно ездил. А отправка на комсомольские слеты у них называлась «поехать в группу здоровья». В дальнейшем у освобожденных комсомольских работников проявлялось профессиональное заболевание – цирроз печени, как, впрочем, и у партийных, и у профсоюзных. Вот я и опишу активную жизнь (сексуальную) будущего мужа партработницы. А не изобразить ли мне саму партработницу этаким синим чулком, засидевшейся в девках мымрой, на которой молодой красивый мужик женился только ради ленинградской прописки? Почему бы не сделать приятное свекру? Не потешить его самолюбие? Надежда Георгиевна, конечно, на дыбы встанет, но я невинно похлопаю глазками. Тем более я на первой странице обычно предупреждаю, что все герои являются вымышленными и сходство в реальными лицами может оказаться лишь случайным. Ну случайно получилось. Мало ли что там крутится у меня в подсознании...

С этими мыслями я села за руль «Запорожца» и тронулась в сторону больницы. Ехать требовалось через весь город. Никаких фруктов я Лешке не покупала. Если бы к кому-то другому в больницу шла – обязательно бы что-то прихватила. Моего же бывшего ничем не удивишь, он давно всякой экзотикой обожрался, начав с дефицита в советские времена, лишних денег у меня нет, я их лучше на его же детей потрачу, а Надежда Георгиевна своего единственного сыночка обеспечит во сто крат лучше бывшей жены.

Глава 8

В больницу я прошла свободно, но сразу за дверью хозрасчетного отделения (Лешка, конечно, лежал в нем) сидела старая выдра, которой бы надзирательницей в тюрьме работать. Стоило мне только открыть дверь с матовым стеклом, как выдра выпрыгнула из-за стола и преградила мне путь.

– Куда? Все посещения только с пяти до семи.

Я была уверена, что как раз в это отделение посетители ходят когда хотят, в особенности Надежда Георгиевна. Или выдре надо дать «зеленый» пропуск?

– К мужу, – спокойно ответила я.

– Посещения с пяти часов. Приходите через час. – Выдра стояла на своем.

Тут за ее столом что-то шлепнулось, причем таким образом, что отлетело в сторону. Как я поняла, выдра читала книгу, которую неудачно попыталась спрятать при моем появлении. И читала она ее, скрывая под столом.

Но теперь книга торчала из-под него, и я увидела до боли знакомую розовую обложку...

В конце коридора показался мужчина в белом халате. Выдра решила приблизиться к книжке, чтобы задвинуть ее подальше под стол, но рядом с книжкой стояла я – и сделала попытку ее поднять, чтобы вроде как помочь пожилой женщине. Я молодая, мне легче нагнуться. У тетки исказилось лицо. Мужчина приблизился.

– Вы к кому? – спросил он ласково, раздевая меня взглядом.

– К Багирову Алексею Владимировичу.

– Простите, а вы ему кем приходитеесь? Вообще-то мы пускаем только родственников...

«И этот взятку хочет? Или меня?» Скорее последнее, пришла к радостному выводу я – судя по масляному блеску глаз.

– Жена, – сказала я и добавила: – Бывшая.

– Вадик, проводи женщину, – проворковала выдра совершенно другим тоном. – Мужчине плохо. Ему любой визит будет в радость. А уж бывшая жена – так это как само собой разумеющееся. Мужчине будет так приятно!

Лицо Вадика при последних фразах тетки исказилось, он подхватил меня под локоток и потащил в конец коридора, где имелся заворот налево.

- Я ее как-нибудь придушу, - выдохнул Вадик, когда мы оказались вне пределов слышимости выдры. - Если еще кто-нибудь из наших до меня не успеет.

Как я подумала, воспоминания о собственной бывшей жене у Вадика не связываются ни с чем приятным, и выдра это точно знала.

- А почему вы не отправите ее на пенсию? - спросила я нейтральным тоном. - Она что, какой-нибудь заслуженный врач Советского Союза? И пока сама не уйдет, ее нельзя выпереть? Ведь это платное отделение, как я понимаю? Зарплата должна быть выше, чем в госмедицине. Кто-то нашелся бы. Или у вас такая проблема с кадрами?

- Она училась вместе с нашей главной. Наша-то потом институт закончила и ординатуру, а эта так и осталась в санитарках. Вы правы: на это место с радостью пошел бы кто-то из студентов. Я сам так подрабатывал, когда учился. Но наша главная ее держит из жалости.

Из жалости ли? После подключения к Интернету и писем лесбиянок я уже сомневалась во всем.

В середине ответвления коридора имелся широкий отсек, где стояли два диванчика. На них восседали два молодца (по молодцу на каждом). При виде нас молодцы вскочили, а Вадик объявил, что к Багирову пришла супруга.

- Нет у него никакой супруги, - рявкнул один из парней.

- Бывшая, - пискнула я.

- Фамилия? - рявкнул второй молодец. Им бы обоим на плацу командовать.

- Багирова, - ответила я и извлекла из сумочки водительское удостоверение.

Вадик решил с нами распрощаться, у него явно имелись дела в больнице, а молодцы внимательно изучили предъявленный документ, потом один робко сказал, что у шефа вроде бы в самом деле когда-то была жена, но старая дева.

– Как жена может быть старой девой? – невинно спросила я, прикидывая, как бы использовать этот момент в одном из будущих романов, назвав его, например, «Приключения старой девы». – Да и, по-моему, с Лешей остаться девой невозможно. Если вы его хоть немного знаете...

Парни кашлянули и меня еще раз оглядели.

– Нет, шеф говорил, что у него жена была крыса, – сказал второй. – Но вы...

Мимикой он продемонстрировал, что придерживается обо мне диаметрально противоположного мнения.

– Не крыса, а мышь, – поправил друга первый.

– Мальчики, если не возражаете, давайте отложим обсуждение моей внешности и животных на следующий раз? – обворожительно улыбнулась я. – У меня еще сегодня много дел.

– Да-да, конечно, – кивнул первый. – Но мы должны его предупредить.

– Так предупреждайте.

Первый юркнул в палату, из которой в самое ближайшее время донесся Лешкин вопль:

– Зачем эту юродивую сюда принесло?

Я порадовалась, что он пошел на поправку, и, оттолкнув второго телохранителя, который, по-моему, только порадовался моему прикосновению, вошла в палату.

– Как-как ты меня описывал своим людям, крокодил недоделанный? – рявкнула я, кидая взгляды-молнии на Лешку. Если уж менять имидж – так кардинально и во всем, включая манеру поведения и общения. Хватит изображать из себя

мышку. В особенности если меня прочат в руководство нефтяной компании. Раньше я всегда терпела Лешкины крики, неспособная на них достойно ответить, а теперь решила: надо и ему, и его мамочке отвечать тем же. Крик и битье посуды они поймут лучше, чем доводы разума, представленные спокойным тоном. – Крыса, мышь, юродивая и еще старая дева? Мало тебе досталось, как я посмотрю. Но если я буду в тебя нож втыкать, работу доведу до конца. Не сомневайся! Читала я тут про одну американку. Знаешь, что она своему благоверному отхватила? Я ведь вполне могу пойти по ее стопам. Ты уверен, что у нас в России тебе твое мужское достоинство смогут пришить так же удачно? Это ведь сразу надо делать, не откладывая. В Америку не успеешь доехать. Иначе орган не заработает в обычном режиме.

Как оказалось, Леша тоже читал про конфликт, случившийся в одной американской семье, и не хотел повторения подобного в своей, пусть и бывшей.

– Ну что ты, что ты, Оленька, – заблеял Лешка. – Я же знаю, что ты у меня красавица. Тебе очень идет новая стрижка. Ты с каждым годом становишься только симпатичнее. Если бы я с тобой познакомился сейчас, то никогда бы не развелся. Это я по молодости дурак был.

Телохранитель переминался в углу с ноги на ногу, исподлобья бросая взгляды то на шефа, то на меня. Как я знала, манерой поведения я в эти минуты страшно напоминала Надежду Георгиевну, с которой парень явно был знаком не понаслышке. Более того, стиль поведения свекрови на Лешку всегда действовал магически. И подействовал в моем исполнении. Он долго рассыпался в комплиментах, а потом заворковал:

– Оленька, посиди рядом со мной. Олег, дай ей стул! – велел Лешка телохранителю. Тот мгновенно повиновался. – А теперь иди отсюда!

Парень испарился.

Я села, закинула ногу на ногу, потом внимательно посмотрела на Лешку. Можно считать, что он уже пошел на поправку. Я представляю, какие тут были задействованы медицинские светила и средства...

– А ты в самом деле здорово выглядишь, – восхищенно сказал Лешка, еще раз внимательно оглядывая мою персону. – Это ты для меня, да?

- Нет, - отрезала я. - Для другого мужчины.

Лешкина челюсть поползла вниз.

- А ты что, думал, что я всю жизнь по тебе страдать буду? Ждать, когда вернешься в семью?

- Но мама же сказала...

Меня страшно заинтересовало, что же говорила Надежда Георгиевна. Может, Лешка выдаст ее планы?

От бывшего узнала очень любопытную вещь. Надежда Георгиевна приводила в больницу нотариуса и заставила Лешку подписать завещание.

- Я и так собирался, если честно, - посмотрел на меня бывший. - Но я хотел... А мама сказала, что я должен отписать половину ей, а половину - детям.

- А ты как хотел? - мне было просто любопытно.

- Отцу часть... Но если бы она узнала... Ты же в курсе, какого она мнения о бате. Ну и... ребятам. А мама сказала: ни в коем случае. Но ей-то зачем? Я же моложе. Оля, я не собираюсь умирать раньше ее! Оля, ведь ты же понимаешь, что компанией управляет она! Я же только бумажки подписываю, ну и сижу там на совете директоров, на фуршеты хожу и презентации... С клиентами в банях парюсь. Но все решения принимает мама. Оля, как ты думаешь... - Лешка замолчал, а потом добавил шепотом, словно боялся, что подслушавшие его стены потом наябедничают на него Надежде Георгиевне: - Как ты думаешь, она что, задумала от меня избавиться?

Такое я представить не могла, так как знала, что Лешка - единственная Надеждина любовь, но он откровенно боялся матери и не мог в этом признаться никому, кроме меня. Нефтяной король называется! Видел бы его и слышал сейчас кто-то из его длинноногих любовниц и деловых партнеров. Кстати, при людях Надежда Георгиевна сына никогда не унижала, наоборот, всячески подчеркивала его сильные стороны. А уж дома отрывалась... Как и на всех родственниках. И мы были, пожалуй, единственными, кто знал истинное

Надеждино лицо...

- Оля, а мне можно изменить завещание?

- Конечно, - кивнула я. С каких это пор он со мной советуется? Или в самом деле больше не с кем?

- А ты можешь того нотариуса найти?

- У нас в городе не один нотариус. И ты имеешь право обратиться к любому. Более позднее завещание отменяет предыдущее. Приглашай нотариуса хоть сегодня и составляй новое завещание.

Бывший как-то сразу приободрился, пожал мою руку чуть повыше локтя, даже извинился, что потащил нас с Катькой в лабораторию, поинтересовался детьми (медведь в лесу умер - он ведь ими никогда не интересовался), попросил к нему заглядывать, а потом...

- Ольга! - прошептал бывший. - Наклонись ко мне!

- Чего еще?

Лешка заявил, что скажет мне это только в ухо. Я склонилась к нему.

- Если со мной что-то случится, - прошептал он, - если мать в самом деле что-то задумала... У меня в комнате, у правого окна, под половицей тайник. Там все на мать собрано. Ну если... Оля, если она меня убьет, обещаю тебе, что ты за меня отомстишь! И даешь делу ход. Материалов хватит.

И Лешка яростно сжал мне руку.

- Обещай мне!

- Обещаю, - сказала я и невольно вытерла пот с Лешкиного лба.

Лоб был горячим: у бывшего явно держалась температура. А не в бреду ли он? – мелькнула мысль.

Через некоторое время я еще раз убедилась в этом: Лешка стал нести всякую ахинею, из которой можно было сделать вывод: он страдает манией преследования. Как выяснилось, он уже давно считал, что мать приставила к нему слежку. В это я вполне могла поверить, но придерживалась другого мнения: Надежда Георгиевна вполне могла пойти на подобный шаг, чтобы просто знать, где и с кем сыночек. Ведь того вечно носило по всяким злачным местам, а в случае попадания в неприятное положение его следовало как можно быстрее вытаскивать. Вытаскивала всегда любимая мамочка. Да и вообще Надежда Георгиевна всегда любила быть в курсе всех дел, в особенности Лешкиных.

Лешка также заявил мне, что Надежда Георгиевна убила двух его любовниц, на которых он хотел жениться. Я, кстати, и в это могла поверить – зная свою бывшую свекровь. Но опять же считала, что ее единственному и любимому сыночку ничто не угрожает. Она скорее уничтожит все население земного шара, если это потребуется для спасения драгоценного Лешеньки.

Я постаралась успокоить бывшего как могла. Он слезно умолял приезжать к нему почаще и не бросать его. Интересно, кто кого бросил? – хотелось спросить мне, но сдержалась.

Я просидела у него часа полтора, если не два, и пришла к однозначному выводу: Лешка чего-то сильно боится. А меня он просто хочет иметь на своей стороне. Пусть даже и не для того, чтобы выступать единым фронтом против его матери. Он хочет, чтобы я ему помогла, но пока боится сказать – в чем.

Интересно, а под половицей в его комнате в самом деле что-то имеется?

Правда, как я понимала, в апартаменты матери и сына Багириных мне не проникнуть. Если уж меня до сих пор туда ни разу не пригласили.

Наконец мне удалось отделаться от Лешки: визит меня порядком утомил, да и видела я, что он устал и его клонит в сон. На лбу у него опять выступила испарина.

- Ты приедешь завтра? - с надеждой в голосе спросил бывший.

- Постараюсь, - ответила я. - Но ты же должен понимать, что мне работать надо и к детям ездить. Они же на даче с дедушками.

- Бросай работу, - сказал Лешка.

- А жить мне на что?

Следующий шаг бывшего меня удивил еще больше: он попросил дать ему кейс, стоявший в одном из углов палаты, рядом со столом. Я поднесла его, Лешка открыл кодовый замок, извлек пачку пятидесятидолларовых купюр (я не видела, что находится в кейсе, так как бывший попросил меня отойти), закрыл его, попросил поставить назад, а мне протянул пачку. Она была не распечатана.

Такой щедрости я от него никак не ожидала. Это было совсем не в его стиле.

Но Лешка быстро опустил меня с небес на землю.

- Оля, купи мне, пожалуйста, пистолет или... - Лешка задумался. - Лучше всего «беретту», нашего добра не надо, ну если только «стечкин». И глушилку.

- Глушитель?

- Нет. - Лешка поморщился. - Это электронный прибор, чтобы «жучки» глушить. Ну вот мы тут с тобой разговариваем, а нас кто-то записывает или просто слушает. Чтобы не записывал. Поняла?

- А где у нас это добро продают? - спросила я, ошалело держа в руках пачку пятидесятидолларовых купюр.

В это мгновение мы оба услышали в коридоре голос Надежды Георгиевны.

– Кто там у него?! – вопрошала свекровь.

Лешка резко дернулся и изменился в лице. Я мгновенно сунула баксы в сумку, порадовавшись, что она у меня такая вместительная и пачка не будет выпирать. Проверять мою сумку свекровь не будет – до такого она не должна опуститься. Хотя Лешкины вещи, подозреваю, проверяет.

К появлению Надежды Георгиевны в палате мы уже были готовы изображать из себя мило беседующих супругов, пусть и бывших.

При виде меня свекровь опешила, долго осматривала со всех сторон, потом кивнула, заметив, что я над собой хорошо поработала. Лешка выдал пару дежурных комплиментов – после одобрения меня мамочкой.

– Я очень рада, что вы друг другу опять нравитесь, – заявила Надежда Георгиевна. – Вот Леша поправится, и снова распишетесь. Платье Оленьке закажем в Париже. Как и Кате. Думаю, что отметим на даче. На нашей. Я подготовлю список тех, кого обязательно нужно пригласить. В свадебное путешествие отправитесь на Карибы. Это престижно. Там есть курорты, где принимают только пары. Вот и съездите развеяться. Вернетесь – и за работу.

Лешка молчал. Я видела, что ему в самом деле нехорошо – не от перспективы новой женитьбы на моей персоне. Он ведь еще полностью не отошел от покушения. И не только физически.

– Я собираюсь замуж за другого человека, – сказала я ледяным тоном, обращаясь только к Надежде Георгиевне. – И вообще, хватит лезть в мою жизнь и указывать мне, что и когда делать.

С этими словами я развернулась, намереваясь уйти. Надежда Георгиевна еще не пришла в себя. А вот Лешка отошел первым и крикнул мне в спину, что будет завтра меня ждать – с фруктами, которые он просил меня ему привезти.

– Я привезу тебе любые фрукты, – обратилась к сыну Надежда Георгиевна. – А эта шалава пусть убирается. Ты достоин лучшего.

– Мама, не лезь в мою жизнь! – внезапно завопил Лешка так, что мы обе аж подпрыгнули. – Уходи! Уходите обе! Мне все надоело! И все надоели! Я болен! Мне плохо! Пошли вон!!!

Я выскользнула первой, предполагая, что свекровь все-таки останется, но она вылетела вслед за мной и резко схватила меня за руку.

– Чего ты добиваешься, сучка? – прошипела Надежда Георгиевна.

– Мечтаю, чтобы вы не мешали мне жить так, как я хочу.

– Слушай, ты... – открыла рот Надежда Георгиевна, потом заметила двух вытянувшихся молодцев и замолкла. Я знала, что она терпеть не может выносить сор из избы, то бишь демонстрировать подчиненным и прислуге, что происходит в семье.

Кардинально изменив тон, услышав который можно было бы предположить, что я – самая любимая ее родственница, она предложила мне проехать к ней в гости, чтобы «все обсудить». В гости к Надежде Георгиевне ехать мне совершенно не хотелось, с другой стороны, очень хотелось посмотреть их с Лешкой апартаменты, а также краешком глаза заглянуть в его комнату, где находится та самая половица, под которой скрыт тайник. Если он там есть, конечно. И что же сыночек насобирал на мамочку?

В общем, я согласилась. Выдра при входе в хозрасчетное отделение во весь рот улыбнулась Надежде Георгиевне, продемонстрировав железные зубы, свекровь даже потрепала ее по руке, я просто кивнула, выдра и мне улыбнулась, правда, немного уменьшила ширину растяжки губ.

На улице Надежду Георгиевну в «Вольво» ждал верный Коля, несколько удивившийся нашему совместному появлению: мой «Запорожец» был припаркован не прямо напротив входа в больницу, а за углом, поэтому Коля его не видел. В результате я поехала за Николаем и вскоре оказалась на Петроградской.

Дом Надежда Георгиевна выбрала старый, с толстыми стенами, но по двору темной зимней ночью я бы пройти не решилась. Да и двор-то был не первый, а третий, после двух довольно низких арок. Когда мы проезжали под ними,

«Вольво» чуть не задевала стены, правда, мой «запорыш» проходил довольно свободно. Чуть позже Надежда Георгиевна пояснила мне, что из-за высоты арок (вернее, ее отсутствия) Лешенька не может купить себе так любимый российскими пацанами «джип широкий» (в смысле «Гранд Чероки»). Приходится бедному мальчику на «шестисотом» «Мерседесе» ездить, подумала я. Достоин жалости Лешенька. Правда, как «Мерседес» просачивается в эти арки по ширине, тоже оставалось для меня тайной. Но и тут я получила ответ: телохранитель Дима – водитель-виртуоз, он в арку проезжает, оставляя не больше сантиметра от стен с каждой стороны.

В общем, мы оказались в крохотном третьем дворике-колодце. Здания, его составлявшие, насчитывали четыре этажа. Во дворе не стояло ни одной скамейки, не росло ни деревца, ни кустика. Если солнечный свет когда-то и попадал в окна этих квартир, то в лучшем случае – в окна третьего и четвертого этажей. По-моему, до первого и второго ни одному лучу было не дотянуться.

– Мне здесь нравится, потому что тихо, – объявила Надежда Георгиевна, подхватывая меня во дворе, когда мы обе вылезли из машин.

Она также добавила, что никто посторонний сюда не суется, так как все окрестные жители уже знают, кто тут живет.

Я вопросительно посмотрела на свекровь. Она тут же пояснила, что все квартиры во всех зданиях, составляющих дворик, принадлежат ей и Лешеньке. Я чуть не присвистнула. Хотя чему тут было удивляться? Подобного следовало ожидать. Насколько я помнила, Надежда Георгиевна всегда ненавидела соседей – и по лестничной площадке, и по дому, и со всеми ругалась, даже по самому незначительному поводу. Конечно, следовало ожидать, что она выселит остальных жильцов. Но во сколько это обошлось?..

Надежда Георгиевна установила лифт в одном из подъездов (вообще их тут насчитывалось три – во всех домах, кроме дома с аркой, в тот дом следовало входить из второго двора), чтобы «не утруждать каждый раз больные ноги». Насчет Надеждиных болезней я могла бы поспорить: по-моему, ее можно было пускать впереди паровоза, и если вставить в ее задницу пропеллер, он начнет крутиться. Да и, наверное, если она чем и мучилась в последние годы, то только «французскими» напастями – как и ее драгоценный сынок.

Хочу заметить, что внешне дома выглядели не очень презентабельно. Свекровь могла бы нанять кого-то их покрасить или хотя бы почистить фасады (например, по французской технологии, как делают в Париже – деньги-то есть), а то темные старые стены не очень подходили нефтяной королеве и ее сыночку. Или все-таки не хочет особо привлекать внимание?

Внутри здания, наоборот, был сделан очень дорогой ремонт. Я не знала названия использовавшихся материалов, которыми меня пыталась задавить Надежда Георгиевна. Свекровь тыкала то в стены, то в пол, то в потолок и поясняла, где брала кафель, светильники, паркет, лак и все прочее, что мне с гордостью демонстрировалось.

В апартаментах, где проживала сама Надежда Георгиевна, все было еще круче. Стены украшали картины, в углах стояли статуи, с потолка свисал тяжеленный хрусталь. Не обошлось и без старинных икон, которые, правда, в интерьер не особо вписывались, а если вспомнить про Надеждино партийно-коммунистическое прошлое... Правда, сейчас появилось много нововерующих (именно нововерующих, а не новообращенных, потому что этих типов язык не поворачивается так назвать, хотя бы из уважения к тем, кто искренне принял веру) из рядов бывших партийных и комсомольских работников. Активно крестятся перед камерами, батюшек на свои тусовки приглашают, даже постятся – или только говорят об этом.

Мебель была или из красного дерева, или из карельской березы, хорошо хоть стили в одной комнате не смешивались. Вазы поражали своим разнообразием, даже имелись китайские напольные, соседствовавшие с «папуасами», привезенными из каких-то экзотических стран. Я не говорю уже о подсвечниках, бра, столиках и стульчиках с резными ножками, обитых шелком диванчиках и всем остальном.

Но мне квартира свекрови показалась захлавленной – пусть и очень дорогими вещами. Мы вчетвером (а часто и впятером, когда у нас живет бывший Надеждин муж) занимаем две небольшие комнатки, и я очень страдаю от отсутствия площади и ощущения простора. Но если у тебя есть возможность, то зачем ставить в каждый угол по статуе? Правда, я опять воздержалась от высказывания вслух своего мнения, так как его никто не спрашивал.

Мне хотелось посмотреть Лешкину комнату, и я спросила, где размещается бывший. Надежда Георгиевна выделила ему отдельную детскую?

Свекровь усмехнулась, заявила, что должна еще показать мне свой «будуар», отвела меня в комнату, где стены были обиты красным бархатом с золотыми нитями, а над кроватью (сексодром человека этак на четыре) висел красный балдахин, после чего мы снова вышли на лестничную площадку (Надежда жила на четвертом, последнем этаже, правда, имелся еще и чердак) и отправились в квартиру напротив: на площадке их было только две.

– Вот Лешенькина квартирка. Мальчик захотел жить отдельно. Но ты же понимаешь, Оля, что я не могу его отпустить далеко от себя. За ним же постоянно глаз да глаз нужен. А так и рядом, и отдельно.

Лешкина квартира оказалась полной противоположностью Надеждиной. Наконец я насладилась ощущением простора. Может, он так сделал специально? У матери показуха для многочисленных гостей (подозреваю, что обычно еще называется цена каждой вещи), а у Лешки – пусто. Не совсем, конечно...

У Лешки из нескольких комнат бывшей коммуналки был сделан... танцевальный зал, как выразилась Надежда Георгиевна. Как оказалось, бывший на заре туманной юности занимался бальными танцами (о чем со мной никогда не обмолвился ни словом, видимо, не хотел слушать мои комментарии – я бы не смогла сдержаться) и, когда заимел отдельную квартиру, оборудовал этот зал, где они с мамочкой принимают гостей.

– Ты понимаешь, Оля, мы тут фуршеты устраиваем, столы ставим вдоль стен... А потом у нас танцы. Фирменная черта наших с Лешей приемов. Когда к нам идут, все знают: будут танцы. У других-то просто нажираются или в баню ходят париться, а у нас кое-что оригинальное. Как в старину.

В квартире Лешки также имелась спальня с огромным сексодромом (превышающим Надеждин раз в полтора), гостевая, где он, по всей вероятности, оставлял спать друзей (то есть одного друга с подругой, если тут, конечно, не устраивались групповухи, чего вполне можно было ожидать), и комната, где Лешенька держал одежду. Невольно вспомнилась выставка платьев Екатерины Великой, на которой я в свое время была в Эрмитаже. Думаю, что все ее платья успешно уместились бы в этих шкафах и в них еще осталось бы свободное место.

Но меня волновало, в какой именно комнате Лешка сделал тайник: в спальне или здесь? Пол везде был паркетный. На его месте я называла бы «своей» комнатой именно спальню, хотя кто знает бывшего...

Удивило отсутствие прислуги. Я задала Надежде Георгиевне соответствующий вопрос.

- Они приучены не попадаться мне на глаза, - заявила свекровь. - Приходят только по зову. Когда ты сюда переедешь, я дам тебе личную горничную.

- Я не собираюсь сюда переезжать, - рявкнула я, не в силах сдержаться.

- Посмотрим, - сказала Надежда Георгиевна спокойным уверенным тоном.

Затем она предложила мне спуститься этажом ниже, и мы оказались в квартире, расположенной строго под Надеждиной. Эта была оборудована под офис. В нем трудились люди. Все, мимо кого мы проходили, вежливо с нами здоровались и тут же возвращались к своим делам.

Свекровь пояснила мне, что часть сотрудников компании работает в этих домах, часть - в главном офисе. Хотя вообще-то именно это место и является главным... Там - показуха, здесь - основная работа. Прислуга и охрана располагаются на первом этаже, там же готовят еду и сидит малая часть персонала компании. Самые доверенные - на третьем этаже, чуть менее - на втором.

- А где работает Леша? - уточнила я.

- На Неве, - сообщила Надежда Георгиевна, добавив, что намерена и меня посадить в том здании - особнячке, окна которого выходят на главную питерскую водную магистраль. Особнячок старинный, более чем презентабельный, лепной потолок, ангелочки, статуи, в общем - все, что нужно для поддержания соответствующего имиджа нефтяной компании.

Хочу отметить, что офисы в домах, принадлежащих Надежде Георгиевне, совсем не впечатляли. Если в свою и Лешкину квартиры она вбухала немалые средства, то на кабинеты персонала поскупилась. Конечно, никаких протечек не было, паркет под ногами не трещал и не скрипел, обои не пузырились, но... Я приняла

бы этот офис за какую-нибудь заштатную торгово-закупочную контору, если бы не знала, кому он принадлежит.

– А вы сами здесь работаете? – уточнила я.

– Конечно, – как само собой разумеющееся заявила свекровь. – Я же сказала тебе, что здесь – работа, там – показуха.

«Теперь понятно, зачем тебе я», – пронеслась мысль. Вот только что ты намерена показывать? И кому? И что тебе на самом деле от меня надо?!

Секретаршей у Надежды Георгиевны оказалась сухая вобла неопределенного возраста, к которой, правда, свекровь относилась очень уважительно, что ей было несвойственно. Может, на самом деле хорошо выполняет свои обязанности? Или так предана Надежде? Редкостная стерва, собирающая сплетни на всех сотрудников и доносящая их начальнице?

Вобла принесла нам кофе с ничего не выражающим лицом, Надежда Георгиевна спросила у нее, кто звонил, и вобла четко, по-военному отчиталась. Ни одного лишнего слова, все в тему. Нужно отдать ей должное, дело свое знала, что было заметно даже моим невооруженным глазом.

– Куда меня на пятницу приглашают? – уточнила свекровь, выслушав отчет.

– Презентация в выставочном комплексе, – отчеканила вобла. – Автомобильный концерт проводит. Приглашают представителей всех нефтяных компаний, членов городского правительства, депутатов Законодательного собрания, журналистов. В приглашение фамилии не внесены. Оно на двух человек из нашей компании. Его следует предъявлять при входе.

Надежда Георгиевна задумалась на мгновение, потом приказала вобле нести приглашение, всучила его мне, извлекла из верхнего ящика стола две тысячи долларов, которые мне уже однажды предлагала, а также пачку визиток с логотипом «Алойла». С большим изумлением я увидела на них собственное имя. Там также значились номера телефонов, номер факса и электронной почты (не тот, которым я пользуюсь для связи с лесбиянками). К своему удивлению, я оказалась коммерческим директором «Алойла».

– Пойдешь на презентацию, – безапелляционно заявила мне Надежда Георгиевна. – Отдохнешь, с народом познакомишься. Надо тебя в люди выводить.

Я уже хотела ляпнуть, что никуда не пойду, но Надежда Георгиевна добавила с видом змеи-искусительницы:

– Неужели за две тысячи баксов не сходишь, Оленька? Тебе из них, конечно, нужно будет купить себе хорошенький деловой костюмчик... Я тебе уже давала адрес, где его тебе подберут. За такие бабки можно и наведаться, не так ли? Ты подумай, сколько тебе твоих «Страстей» надо написать, чтобы их заработать?

Я плевком проглотила, подумала: «А что я в самом деле теряю? Убудет от меня, что ли, на презентацию сходить? За такие бабки?» – решила, что такое посещение меня ни к чему не обязывает, надо воспринимать это просто как хорошо оплачиваемую разовую работу, бабки взяла, сунула их к Лешкиным, туда же убрала визитки и уточнила, будет ли меня кто-то сопровождать.

– Будет. Толик.

Свекровь нажала на какую-то кнопку, включила громкую связь и приказала таинственному Толику немедленно у нее нарисоваться. Секунд через двадцать в кабинете возник молодой человек – весь какой-то прилизанный, с зачесанными назад волосами, худой и высокий. Глаза у него были бесцветными и ничего не выражали. Мне он сразу не понравился. Возраст его я тоже определить не смогла: где-то между двадцатью пятью и тридцатью пятью. Хотя могла и ошибиться, причем в любую сторону.

Надежда Георгиевна предложила нам познакомиться, представив меня своей невесткой и новым коммерческим директором компании. Толик был представлен референтом Надежды Георгиевны. Я, кстати, до сих пор не знала, какую должность в «Алойле» придумала себе свекровь и придумала ли вообще какую-то. Она вполне могла тут быть серым кардиналом со своим собственным штатом, да и должность ее, по-моему, несколько не интересовала. Надежду Георгиевну всегда интересовала власть, деньги, пожалуй, тоже. Но власть для нее была важнее.

– Толик подхватит тебя у какой-нибудь станции метро, – сказала мне Надежда Георгиевна. – Договоритесь сами. На презентации будет алкоголь, так что давай без машины. И нечего на твоей иномарке, – тут свекровь презрительно хмыкнула, – светиться. А Толик поедет на машине компании. Водитель вас потом развезет по домам. Толик, покажешь Оленьке всех, кого нужно.

Толик подобострастно кивнул.

– А ты, Оля, будь со всеми мила и приветлива, но поводов для более тесного знакомства не давай. У тебя с этими людьми могут быть только деловые отношения. Домой тебя повезет мой шофер. Ясно?

Толик закивал, я сказала одно слово: «Примерно». Надежда Георгиевна на мое слово никак не отреагировала, Толика отпустила после того, как он пообещал заехать за мной домой, что свекровь одобрила, посмотрела внимательно и заявила, что возлагает на меня большие надежды. В это мгновение зазвонил один из телефонов на столе. Надежда выслушала, что ей сказали (я не смогла уловить ни слова), кивнула, посмотрела на меня, повесила трубку, после чего отпустила с миром.

Мне было непонятно, зачем меня сегодня сюда приглашали. Хотели завлечь богатством? Танцевальным залом? Немыслимым количеством Лешкиных костюмов? Но неужели Надежда Георгиевна не понимает, что я за ее сына замуж снова не пойду ни за какие деньги? Пусть она хоть весь Петроградский район или даже Питер скупит с потрохами.

Но было любопытно. Что все-таки задумала Надежда Георгиевна?

Глава 10

Меня никто не задержал при выходе. Оказавшись во дворе, я увидела, как в арку въезжает серебристый «жирный» «Мерседес». Водитель явно планировал припарковаться там, где сейчас стоял мой «Запорожец», но при виде «последней мести Хрущева» впал в состояние прострации и чуть не врезался в меня. Я только успела отпрыгнуть в сторону, равновесия не удержала и

шлепнулась на асфальт. Тут раскрылась моя сумочка и из нее веером рассыпались стодолларовые купюры, выданные мне Надеждой Георгиевной и ничем не скрепленные. Лешкина пачка пятидесятидолларовых лежала в глубине и надежно.

Из серебристого «Мерседеса» тут же выпрыгнули два гоблина (один с водительского места, второй – с переднего места пассажира) и бросились ко мне. На одном из гоблинов очень странно смотрелись очки в тонкой золотой оправе – как-то они выпадали из создаваемого имиджа. Затем открылась задняя дверца, послышался голос: «Подождите-ка», – и с заднего сиденья вылез тучный мужчина со знакомой физиономией. Только сначала я никак не могла вспомнить, где видела его раньше.

Я попыталась подняться. Правую ногу, на которую я упала, здорово саднило, а одежда, как я догадывалась, пришла в непрезентабельный вид.

– Лежать! – рявкнул один из гоблинов и придавил мою левую ногу ботинком.

Я взывала от боли. Второй уже наклонился над моей сумочкой.

– А ну, оставь мои вещи в покое! – заорала я. Почему-то я не боялась: ведь за спиной Надежда Георгиевна и куча ее подчиненных. Позволят они тут кому-то надо мной измываться?

– Она украла деньги, – не обращая на меня внимания, сообщил гоблин в очках патрону. – Э, да тут еще есть!

«Судит о людях по себе?» – пронеслась у меня мысль, но тут патрон наконец полностью выбрался на асфальт.

– Что же ты так нехорошо поступаешь, деточка? – проворковал толстый мужик, устремив похотливый взгляд на мои ноги, в особенности верхнюю их часть, хорошо просматривавшуюся под задравшейся юбкой. – Я знаю, что Надежда Георгиевна давно ищет воровку в своей компании. Вот ты и попалась, голубушка.

Мысли пронеслись у меня в голове с поразительной скоростью. Свекровь хотела меня подставить? И всучила мне меченые купюры? Но зачем? Чтобы таким образом держать меня в узде? Заставить сделать то, что ей нужно? А если меня сейчас доставят в милицию? Все сотрудники Надежды Георгиевны, не желающие лишаться хлебного места, или хотя бы вобла с Толиком подтвердят, что мне никаких денег не давали, а я могла их только свистнуть? Кто мне поверит?

А у меня еще пачка пятидесятидолларовых от Лешки...

И кто такой этот мужик? С ним заранее была какая-то договоренность? Если бы я сама увидела, как человек упал и у него из сумки посыпались баксы, я не стала бы орать ни про какое воровство. Мало ли кто какие деньги при себе носит...

Я лежала таким образом, что видела внутреннюю часть машины, и вдруг заметила на заднем сиденье одну до боли знакомую розовую обложку. Так как из Надеждиного здания мне на помощь никто не бежал, я вспомнила народную мудрость: спасение утопающих – дело самих утопающих.

Конечно, сохранить чувство собственного достоинства в том положении, в котором я лежала, придавливаемая ногой одного из гоблинов, было невозможно, но я постаралась.

– Я не обязана перед вами отчитываться, но раз уж так складывается ситуация... – начала, глядя на толстяка снизу вверх.

– Ты мне зубы не заговаривай!

– Вы, как я вижу, поклонник моего таланта...

– Какого еще таланта?!

– Литературного, – ответила я невозмутимо. – Я – Алена Эросмани. Как вам «Кобелиная похоть»? Я как раз сегодня получила гонорар за следующую вещь, правда, ориентированную на другую читательскую аудиторию. «Розовые страсти – 2». Вот оттуда и бабки, если вас это, конечно, касается. Вы, кстати, кто такой?

Толстяк опешил, гоблин даже снял ногу с моего тела и уставился на меня, выпучив глаза.

– А сюда я заезжала, чтобы подарить бывшему мужу авторский экземплярчик. Мы ведь с Лешей Багировым в свое время были женаты. У нас детей двое. Может, слышали?

Гоблин, державший в руках мою сумку, вновь сунул туда нос, нашел визитки, прочитав надпись на которых просто обалдел, затем извлек мое водительское удостоверение и сообщил патрону:

– Багирова Ольга Викторовна. И фотка ее.

Два гоблина и их патрон в тот момент были похожи на три вопросительных знака. Весьма колоритных, хочу отметить.

Патрон пришел в чувство первым, даже сделал попытку помочь мне встать, но вместо этого не удержал равновесия и сам грохнулся на меня. Я дико взвыла, приняв на себя эту тушу, а толстяк, по-моему, не расстроился, как раз наоборот. И дал волю рукам.

Я разозлилась не на шутку – и выпустила коготки, проведя пятерней по щеке толстяка, в процессе высказав все, что о нем думаю. Толстяк заверещал, гоблины принялись его с меня стаскивать, я им помогала, пытаюсь его столкнуть, но толстяк не желал отрываться от моего тела, несмотря на расцарапанную физиономию. И тогда я поработала над его второй щекой.

Наконец гоблины смогли поднять патрона, я тоже вскочила, кинулась к своей сумочке, которую один из телохранителей бросил на асфальт, собрала вновь рассыпавшиеся купюры, пересчитала их, убедилась, что гоблин себе ничего не прикарманил, достала из сумки ключи от машины и целенаправленно пошла к «Запорожцу».

– Алена! – завопил мне вслед толстяк. – То есть Оля! Ольга Викторовна!

Я не поворачивалась.

– Олечка, я хочу пригласить вас поужинать, чтобы загладить свою вину! Олечка, вы согласитесь со мной покушать? Я знаю одно очень хорошее место. Я уверен: вам там понравится. И вы его потом в романе сможете описать. Как раз по вашей теме.

– Да пошел ты! – бросила я через плечо, села в «Запорожец», но тут же поняла, что, пока «Мерседес» не развернется, мне из двора не выехать.

Из здания Надежды Георгиевны так никто и не вышел. Что задумала эта старая партийная зараза?

Я же открыла дверцу рядом с водительским местом, высунулась и крикнула ближайшему гоблину, чтобы отогнал машину. Гоблин посмотрел на патрона.

– А вот мы тебя и не выпустим! – сально заулыбался толстяк. – Только вместе со мной!

Его обезьяньи ужимки, видимо, следовало воспринимать как кокетство, но меня они не впечатлили, а только разозлили. Я вспомнила, что под передним местом пассажира валяется большой гаечный ключ, который я там оставила после того, как Камиль с приятелем меняли мне на шоссе колесо. Гаечный ключ сейчас пришелся очень кстати.

Оставив сумку в машине и прихватив гаечный ключ (пистолет, на который Лешка выделил деньги, сейчас был бы еще более кстати), я вылезла из «Запорожца» и сделала два шага в сторону «Мерседеса». Гоблины почему-то сразу же догадались о моих намерениях.

– Сейчас! Сейчас! – бросил мне водитель, плюхнулся за руль и в самом деле отогнал машину к дому. Его патрон все это время вопил, сотрясая воздух кулаками и угрозами в мой адрес и топая ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/zhukova-gladkova_mariya/chernoe-zoloto-koroley

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)